

ОЛЕГ ДИВОВ

С Л Е Д З О М Б И

СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

Олег Игоревич Дивов

Стальное сердце

Серия «След зомби», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118808*

Аннотация

Психотронное оружие. Кто в наше время не слышал о таком? Вот только относятся к нему все по-разному. Одни посмеиваются, считая это выдумкой, чьим-то болезненным бредом. Другие боятся. А третьи начинают догадываться, что уже находятся под воздействием зловещих лучей. Герой нового фантастического триллера «Стальное Сердце» Тим Костенко поначалу не слишком верит в существование психотроники, но постепенно понимает, что столкнулся с чудовищной силой. Группа людей, называющая себя Проектом, вознамерилась с помощью зомбирования подчинить себе весь мир. И только Тим способен помешать им. Он объявляет войну Проекту.

В книге присутствует ненормативная лексика.

Содержание

Пролог	4
Часть I	12
Часть II	96
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Олег Дивов

Стальное сердце

Развитие событий с определенного момента полностью вымышлено. Имена реальных действующих лиц изменены. Все цитируемые документы получены из открытых источников. Неопровержимых доказательств существования организации, называемой в тексте «Проект», на сегодняшний день нет.

Всем россиянам, считающим себя жертвами психотронного террора, посвящается.

Пролог

Дневник Майора Крестовского

6-16 августа 1991 года. Западная Сибирь

6 августа. Пятый день преследования. Кажется, сегодня мы окончательно потеряем темп. Здесь начинается дикая тайга, непролазная чащоба. Придется забыть о прыжках на «вертушке» и идти пешком. В нашем распоряжении только след, с которого собаки постоянно сбиваются. И данные пеленгатора, которым я до сих пор верю с трудом.

Какого черта он пошел на север? И как ему удалось забраться в эту глушь? Нет, поставим вопрос иначе. Почему его отпустили так далеко? Опять рассматриваю фотографию. Кажется, знаю его лицо до малейшей черточки. Но почему-то хочется снова заглянуть в эти огромные глаза. Кто ты, Костенко Тимофей Сергеевич, 1968 г. р., русский, москвич, член ВЛКСМ, без определенных занятий?

7 августа. Он уходит звериными тропами. Собакам приходится очень тяжело. Иногда несколько часов кряду идем только по пеленгу. Ребята начинают поглядывать на меня с недоверием и отпускать замечания. Они видят, что я слишком уверенно выбираю направление. Пока что я вяло отшучиваюсь.

Объект в полутора днях пути впереди. Оставляет довольно много отчетливых следов. Как и прежде, он движется ровно, будто по ниточке. Словно его, как и нас, ведет чей-то пеленг. Иначе я это объяснить не могу. У него нет ни компаса, ни карты. Да и туристский опыт почти отсутствует. Тем не менее он идет очень резво. И прямо, только прямо!

8 августа. Поутру, едва проснувшись, и каждый раз, когда собаки теряют след, я ныряю за деревья. Ухожу подальше от группы и достаю из-за пазухи черную коробочку с экраном на жидких кристаллах. Нажимаю кнопку под надписью «прогрев» и через минуту жму на «локал.». И на экране по-

является стрелка. Просто стрелка, больше ничего. Я мог бы сейчас написать по этому поводу очень много слов. В основном ругательных. Но я не писатель, а коммандо. У меня другие задачи.

9 августа. Нам навстречу сбрасывают еще одну группу. Кажется, начальство тоже уверено, что Костенко не свернет и будет мчаться по прямой. Это очень неприятно. Выходит, нам досталась роль загонщиков, а «сделают» Костенко те, другие. Спрашивается, какого... (зачеркнуто)...

Интересно, получил ли их старший те же инструкции, что и я?

10 августа. Мы все измотаны дальше некуда. И по-прежнему болтаемся в сутках пути от объекта. Самое обидное, что больше всего наше продвижение сдерживают... собаки. Они не так выносливы, как мы.

Вместе с тем шансы у нас неплохие. Засаду десантировали почти в ста километрах впереди. Ближе не вышло. Если чуть-чуть наддать, мы вполне успеем сцапать Костенко первыми. Тем более что он тоже не железный. Начинает, кажется, слегка прихрамывать. Может быть, вызвать сюда «вертушку», чтобы забрали собак с проводниками? Садиться здесь негде. Но и спешить некуда, пусть их тащат на борт подъемником. Я все больше доверяю пеленгатору. Он работает безупречно.

11 августа. Большой привал. Перечитал свои записи. Потом битых полчаса таращился на фотографию объекта. Породистая морда. Тяжело будет в нее выстрелить. Я не убийца. Я не убийца.

У него куча особых примет. Шрамы на теле, родинки, легкая картавость речи. Манера прокусывать насквозь сигаретный фильтр. Но это все детский лепет по сравнению с главным. Волосы. Длинная, до плеч, седая пепельная грива. Сейчас он собрал ее в хвост. Откуда у парня в двадцать три года такая седина? И почему у корней волосы темно-коричневые? Как будто он был крашен под седого. И волосы, отрастая, приобретают естественный цвет.

Трофимов, местный кагэбэшник, на все вопросы только мотает головой. Его тоже удивляет, почему ловить Костенко прислали москвичей. К тому же это его злит. Хотя задачи нам ставит именно Комитет. Еще одна загадка. Почему по Костенко не работают гэбэшные оперативники? Я уверен, что у них есть группы, ничем не уступающие моей.

12 августа. Собаки встали намертво. Проклятье! Знай я, что такое случится, бросил бы их еще вчера. А теперь отдохнувшие здоровые псы скулят и жмутся к ногам проводников. Мы на крошечной полянке, впереди бурелом. И собаки отказываются туда идти.

Группа нервничает. Ребята в курсе, что наш объект – су-

щество необычное, если не сказать хуже. И теперь, глядя на собак, начинают психовать. Наткнулись на след, довольно свежий. Но собаки кидаются от него, как черт от ладана. Что такое? Ничем этот след не присыпан. Вообще, объект всегда погоню игнорировал. Будто не предполагал, что она возможна. Бред.

Теперь психанул я. Впервые пеленгатор дал сбой. Вместо стрелки на нем появилось размытое пятно. Оно стреловидной формы, и я смог вычислить направление. Что такое? Батарейки сели? Поменял, результат тот же. Вряд ли это означает, что объект совсем близко. Судя по следам, мы все еще отстаем на сутки.

Принимаю решение оставить кинологов и дальше идти без собак. Похоже, это обрадует и тех и других. У одного пса истерика. Остальные в каком-то ступоре. Скажу Трофимову, чтобы вызывал сюда «вертушку».

13 августа. Пеленгатор работает все хуже. Но теперь я пользуюсь им часто, почти не скрываясь. И мы набрали приличный ход. Я уверен, что мы возьмем его завтра или послезавтра. Но с каждым днем мне все меньше хочется этого. Кажется, я слишком много думал на эту тему.

В начале августа он прошел через три людных поселка, две охотничьих заимки и лагерь геологов. Не скрываясь, вступая в контакт с людьми. Но даже парень, который подвозил наш объект на грузовике, не смог опознать Костенко

по фотографии. Мы очень жестко допрашивали свидетелей. Я был поражен до глубины души. Его действительно никто не помнил!

Тогда я еще не верил пеленгатору. И если бы не девчонка из группы топогеодезистов, мы вряд ли смогли бы так быстро взять правильное направление. Она видела Костенко на пароме – мельком, но, похоже, втюрилась по уши. А он был неподвижен, как статуя, и глядел куда-то за горизонт. Похоже, он просто ее не заметил. И не тронул. Потому что с остальными он что-то сотворил.

Грешным делом, я верю в экстрасенсов. И перспектива встречи с Костенко меня пугает. Теперь, когда много наблюдений слились воедино, – да, пугает. Ребята тоже взвинчены до предела.

14 августа. Дохлая рысь. Здоровенная противная кошка. Навернулась с дерева, с высоты в три метра. Сломала лапу и почему-то сдохла. Трофимов все детство провел в тайге. Говорит, так не бывает. Я вижу, как он напуган. Четкие следы объекта уходят от рыси в чащу.

Мне приказано взять его мертвым. Как только будет визуальный контакт, немедленно огонь на поражение. Сфотографировать, закопать и уйти. После этого мы с группой переходим в ГБ. Привилегий обещали немерено. В принципе, мне все равно, где работать. Комитет много дурного сделал в прежние времена – но ведь иначе было нельзя. Они испол-

няли приказы. Но они же и служили Родине. А то, что меня пытались запугать, когда я получал это задание... Наверное, по-другому не умеют. Привычка. Я не в обиде на них. И горжусь тем, что именно мою группу выбрали для выполнения такого деликатного задания.

И все-таки очень хотелось бы знать, кто такой Костенко. Чего он натворил. Почему за ним отправили именно нас. И, как пеленгатор, который совсем разладился, умудряется-таки выдавать нам верный маршрут. По-прежнему совершенно прямой, как стрела.

15 августа. Еще один привал, и все. Завтра Костенко наш. Теперь это дело принципа. На сосне, под которой я сижу, красуется свежий затес и надпись на нем шариковой ручкой: «Отсюда начинаю убивать». У нас словно второе дыхание открылось. Парни злы, как черти.

Теперь понятно, зачем нужны были угрозы, которые я выслушал на Лубянке. Они хотели меня разозлить. И правильно сделали. Злоба убивает страх. А страху-то я за эти дни натерпелся... Особенно во время допросов свидетелей. Я быстро пришел к выводу, что наш объект – не человек или не совсем человек. Но я был зол и шел вперед.

Его действительно нужно ликвидировать. Он совсем рядом и завтра получит свое. Группа, которая идет нам навстречу, не успевает. Они там завязли в болоте по уши. И все же мне жаль. Он безоружен, топорик и нож, больше ничего.

А я не палач. Но долг офицера, долг перед Родиной заставляет решать: или – или.

Мечтаю о дне, когда партия окончательно победит ма-разм. И наша страна вернет себе былое величие. Как прекрасно то, что происходит сейчас. Мы проходим через сложный и мучительный ритуал очищения.

Вот написал и сам не верю. А теперь, батенька, немедленно спать.

16 он чудовище надеюсь он вернется добьет меня.

Часть I

Журналист

26 апреля – 30 ноября 1990 года

Когда из-за угла выпрыгнул оборотень, у Тима перехватило дыхание. Крепко сбитый широкоплечий зверь стоял прямо, чуть согнув в локтях когтистые передние лапы. Закрыв собой проход, вервольф оскалил длинные клыки, хрипло рыкнул, и Тима обдало запахом гнилого мяса.

Глаза чудовища горели в полумраке желтым огнем. Омерзительная щетинистая морда будто ухмылялась. Вставшая дыбом шерсть торчала рваными клочьями. Более тошнотворного зрелища Тим не видел в жизни. Вервольф только выглядел животным, но не был им. Он был – верная смерть. И почему-то в белом лабораторном халате.

Тим припал левым боком к стене, выставив топор перед собой. Зверь рыкнул снова, и человек почувствовал, что у него дрожат колени. Противная мелкая дрожь беспомощности потекла по телу снизу вверх, парализуя волю. Тим поймал себя на том, что пятится.

Зверь вдруг нырнул вперед и резко взмахнул правой лапой. Трясущимися руками Тим едва успел заблокировать удар, и по лезвию топора потекла черная кровь. Вервольф заорал

во всю глотку, прыгнул и легко подмял Тима под себя. Желтые глаза заглянули человеку прямо в душу. Громовой торжествующий рык заполнил собой весь мир. И тогда Тим закричал.

С безумным воплем он подпрыгнул над кроватью чуть ли не на полметра и упал на четвереньки. И, содрогаясь всем телом, принялся заматываться в теплое одеяло, бормоча то ли заклинания, то ли проклятья.

Телефон звонил.

Тим громко застонал. Собрав волю в кулак, он высунул из-под одеяла руку и на ощупь ударил ладонью по клавише ночника. Потом осторожно выглянул наружу. В комнате было почти светло, но все еще довольно страшно.

– Тим! – позвал незнакомый женский голос.

Телефон умолк.

– Эй! – позвал другой голос. Теперь уже мужской. Но тоже возникший где-то в голове.

Телефон зазвонил снова.

Тогда Тим разозлился. Он сел на кровати, до боли сжал кулаки и зарычал – не хуже вервольфа из кошмара. Встал, прошлепал до выключателя и зажег в спальне верхний свет. Вернулся, сел на кровать, сосредоточился и попробовал «щелкнуть». Не получилось. Не обращая внимания на крик телефона, Тим развел ладони перед собой на полметра и слегка пошевелил ими. Поля будто и не было никогда. Руки по-прежнему тряслись и плохо слушались, а по лицу катил-

ся пот.

Проклятый телефон не унимался. Тим вздохнул, поднял аппарат с пола на кровать, снял трубку и опасливо прислушался.

– Ну? – спросил молодой женский голос. – Так и будем молчать?

Тим медленно опустил трубку на контакты, закрыл глаза и тихонько выматерился. Нащупав тапочки и кое-как вдев в них ступни, он поднялся и нетвердыми шагами подошел к двери. Открыв ее, просунул руку наружу и, не глядя, нажал кнопку. В коридоре вспыхнула лампочка. Тим по стенке добрался до кухни, таким же манером включил свет там, поразмыслил несколько секунд, распахнул дверь кабинета и его тоже осветил. В ванную он вошел под настойчивые вопли телефона.

Холодная вода смыла остатки кошмара. Тим невесело подмигнул своему отражению и двинулся на кухню. Одной рукой открыл дверцу холодильника, другой – снял трубку.

В холодильнике было пять банок морской капусты, два десятка яиц, пачка масла, три бутылки «Столичной» по ноль пять литра, одна ноль семь и две бутылки пива «Русь». В трубке все тот же голос спросил:

– Тимофей, это ты?

– Ты ошиблась, – сказал Тим, бросая трубку.

Он выбрал одну из пол-литровых бутылок. Открыл банку капусты, достал вилку, отвинтил пробку. Не присаживаясь,

сделал из горлышка три больших глотка, запрокидывая бутылку повыше. Пусть организм не жульничает, а будет вынужден проглотить действительно много. Чтобы поставить на стол опустевшую на треть бутылку, пришлось схватиться за холодильник.

Телефон зазвонил. Тим смахнул набежавшие на глаза слезы, уселся за стол и в несколько секунд жадно сожрал полбанки капусты. Закурил. И ему стало легче, легче, еще легче, совсем легко. Он снова отхлебнул, прожевал, затянулся, придвинул к себе пепельницу, снял трубку и буркнул:

– Доброй ночи.

– Доброй ночи! – эхом передразнила девушка. – Ты мне ничего не хочешь сказать?

– А чего бы ты хотела?

– Скотина!!! – заорали на другом конце провода и с грохотом дали отбой.

Тим рассмеялся. Он пересел со стула в глубокое кресло, поставленное к столу боком и занимающее в кухне все свободное место. Подвинул к себе водочную стопку и наполнил ее до краев. И поднял трубку, едва раздался первый звонок.

– М-да?

– Тебе не приходит в голову, что следовало бы передо мной извиниться? – осведомилась девушка.

– Сомневаюсь.

– Ах, он сомневается! Ты как со мной разговариваешь?! Ты жалкий, никчемный, бездарный, лупоглазый, кривоно-

гий...

– Ой, ой, ой, ой... – пробормотал Тим, морщась и кладя трубку на стол. Под доносящиеся из мембраны неразборчивые вопли он поднял стопку на уровень глаз, посмотрел сквозь нее на мир и кровожадно усмехнулся. Выпил, помотал головой и рассмеялся счастливым беззаботным смехом.

Телефон давился частыми гудками. Тим взял банку капусты и методично очистил ее до дна. Поджег забытый в пепельнице окуроч. Посмотрел на часы и тяжело вздохнул. «Полпервого ночи. Нельзя было рано ложиться. Засыпать нужно на рассвете, когда силы зла уже не так властны над миром. А ночью следует бодрствовать, чтобы голова была напряжена и в нее не могли влезть. Неужели только так? Плевать. Сейчас плевать. Вот я добыю бутылочку, откупорю другую, включу музыку, возьму книжечку – и когда рухну в кровать, это будет такой отруб, что ни одна сволочь до меня не достучится. И сны я увижу обычные – яркие, светлые, интересные. В этих снах я буду нужен множеству людей и смогу для них сделать много хорошего».

Тим положил трубку и тут же поднял ее снова.

– Не надоело? – осведомился он довольно агрессивно.

– Ну и скотина же ты!

– Про скотину уже было.

– Ты скотина, скотина, скотина! Ты предатель! Ты грязный лживый двуличный предатель! Чего стоят все эти твои красивые слова, которые ты мне говорил, а?!

– Да я их тебе уже полгода...

– Подлец! Ничтожество! Предатель!

– Положим, если кто и предатель, так не я...

– Скотина! Я за все свои ошибки попросила у тебя прощения! Честно и откровенно! А ты...

– Ты действительно ничего так и не поняла, – заключил Тим, горестно кивая своим мыслям.

– А что тут понимать?!

– Я совсем не тот мужчина, что тебе нужен. Я ушел. Я не вернусь.

– Да какой ты мужчина?! Ты тряпка, ты слабак, ты ничтожество!

– Шла бы ты в глубокую задницу, – попросил Тим и бросил трубку на рычаги. Снял ее и положил на стол. Налил и выпил. Встал, глотнул воды из чайника. Прodelал несколько замысловатых пассов руками, будто оглаживая свое тело. Застыл в странной расслабленной стойке, будто готовясь к рукопашному бою. И неожиданно легко «щелкнул».

Кухня окрасилась во все цвета радуги. Разной интенсивности, цвета эти пульсировали, текли, переливались. Одни были холодными, другие теплыми, одни гладкими, другие мохнатыми, будто шерстяными – и все были видны. Бездушные на вид предметы ожили и заговорили с Тимом на языке пси.

На этот раз Тим, похоже, «щелкнул» непривычно глубоко, потому что сквозь оконное стекло просочился и поддетел

знакомиться дружелюбный бледно-голубой бублик. Раньше Тим почти не видел эти сгустки материи, болтающиеся в воздухе по каким-то своим делам. Тим подставил ладонь. Бублик деликатно на нее спланировал, посидел несколько секунд, ерзая, будто устраиваясь поудобнее, – и вдруг в руку провалился, растворившись в ауре человека. От неожиданности Тим слегка вздрогнул и из-за этого плохо различил пришедшийся, кажется, прямо в сердце легкий укол тепла. На секунду Тим ощутил головокружение, а когда оно прошло, он видел еще лучше. И еще лучше понимал суть происходящего вокруг.

Поэтому он напрягся, когда прямо в кухню ударила синяя молния. И отлетела от Тима, словно тот был резиновый, уходя рикошетом в коридор. «Так вот отчего среди ночи тебя иногда словно пронзает током и пробирает дрожь! – догадался Тим. – Надо же!»

Он закрыл глаза и осторожно пошарил руками вокруг головы. «Проклятье!» На ощупь это было похоже на вмятину в ауре. «А вот еще одна. Значит, я не ошибся. Кто-то пытался меня «пробить». Но кто, и зачем ему это нужно? Не понимаю. В любом случае это может быть опасно. Среди московских сенсов достаточно сумасшедших, и вполне мог объявиться какой-нибудь маньяк, которому нравится бодать остальных. Но до чего же, гад, силен! Я ведь мальчик крепкий, а он вот как меня ушиб... И расстояние! Не сидит же он в соседней квартире...»

Тим массировал ауру головы и терялся в догадках. «Допустим, меня ударил кто-то чужой. Интересно, он сам нагнал мне этот кошмарчик с вервольфом или я просто во сне сопротивлялся и подсознание мое стало бить тревогу? Спасибо тебе, конечно, дорогое подсознание, что разбудило. Но уж больно ты у меня крутое. Вытолкнуло из себя такой ужас... А ведь действительно, я очень боюсь вервольфов. Просто-таки до судорог. Какое счастье, что их, кажется, не бывает!.. Ну, похоже, хватит».

Чтобы проверить контроль, Тим последовательно «отщелкнул» на несколько менее сложных уровней, наблюдая, как беднеет гамма тонких излучений и блекнут цвета. Дольше всех не сдавалось красное электричество в проводах. Тим удовлетворенно крякнул, вылил в себя остатки водки, снова запил ее водой из чайника и задумался, не соорудить ли яичницу. После работы ему всегда хотелось есть.

Через несколько минут, когда пять яиц весело шкворчали на сковородке, Тим вспомнил про телефон. Шагнул к столу, и его здорово шатнуло. Рассмеявшись, Тим положил трубку на место и крепко выругался. Потому что зуммер тренькнул снова.

На этот раз в трубке надрывно рыдали.

– Перестань, – сказал Тим брезгливо.

– Тимочка... Прости меня, пожалуйста... Я ничего с собой не могла поделать. Ты меня так расстроил...

– Я тебя не расстраивал. Я просто от тебя ушел.

– Не говори так, пожалуйста! Не говори...

– Я тебе объяснил, что нельзя поднимать на меня руку? Объяснил или нет?

– Тима, ради бога!

– Один раз я стерпел. Но во мне что-то сломалось, понимаешь? Я думал, это вернется, но... Вышло иначе. И вообще дело не в том, что тебе понравилось меня лупить по морде. Просто между нами все кончилось уже давным-давно. А я ждал чего-то, ждал... Напрасно.

– Тима, ради всего святого, ради всего, что нас связывает, ради нашей любви...

– Нашей любви уже нет, – сказал Тим жестко и выключил под сковородой газ. Язык у него слегка заплетался. На душе было легко и приятно. Чувство освобождения от крепких уз оказалось поначалу горестным. Позади оставалась привязанность такой глубины, что на разрыв ушел почти год. И столько сил, что казалось, впереди уже не будет ничего. А теперь Тим верил, что жизнь еще только начинается. Он тщательно проанализировал роль спиртного в охватившем его облегчении. И нашел, что водка тут ни при чем. Он стряхнул с себя эту женщину с прекрасным лицом и душой, полной злобы. Окончательно. И постарается больше не иметь дела со злыми людьми.

– Тима, любимый мой, единственный!

– Прощай, Наташа. Надеюсь, мы больше с тобой никогда не увидимся, – сказал Тим. И, прежде чем положить трубку,

совершенно искренне добавил: – Будь счастлива.

Потом он отключил телефоны. Съел яичницу, налил себе еще чуть-чуть, включил музыку.

Снова «щелкнул» и пошел к окну знакомиться с бубликами.

* * *

На ступенях факультета журналистики курили редкие гости – Зайцев и Смолянинов.

– Что нового в Чернобыле?

– Вот этот сапог, левый, – сказал Смолянинов, пожимая Тиму руку, – каждый день мою с мылом. Не в ту лужу наступил. Ой, пардон! – И он нырнул в двери вслед за входящей на факультет юной особой выдающихся форм.

– Ему там отличный дозиметр подарили. – Зайцев ловким щелчком выстрелил окурок в урну. – Думаем покататься по городу, составить радиационную карту Москвы. Растянем на десяток публикаций.

– Зайчик, – сказал Тим. – Как там дела с той лабораторией, на которую я тебя навел? Ты не ездил?

– Ездил. Слушай, ты сам-то в это дело веришь?

– Фотографии видел?

Зайцев рассмеялся.

– Прости меня, пожалуйста, но ты очень доверчивый.

Тим почесал в затылке. Зайцев был теплый, пушистый и

доброжелательный. И недоверчивый. Больше года он вел в газете еженедельную рубрику, посвященную слухам. Сам их находил, сам проверял и, как правило, опровергал. Тут станешь недоверчивым, черт побери!

– Знаешь что, Заяц, – предложил Тим. – Давай к этому делу отнесемся профессионально. Допустим, это чистой воды утка. Но на этой утке можно сделать имя. Можно на весь Союз прогреметь. А что потом будет – наплевать.

Теперь в затылке почесал Зайцев.

– Пусть нас потом опровергает хоть Академия наук, – продолжал Тим. – А народ вполне готов скушать историю про тонкие излучения. В экстрасенсов люди верят? Верят.

– Ну, здесь же не экстрасенсы. Здесь попытка создать аппаратуру, имитирующую их способности.

– Ты пойми такую вещь, старина. Сегодня в наш обиход вошла микроволновая печка, которая волшебным образом вскипятит тебе суп в коробке из-под ботинок. И это никого не удивляет. Люди даже понять не пытаются, как она работает. А группа Польшина строит все свои генераторы на том же принципе. Только частоты другие.

– Станный тип этот Польшин, – пожаловался Зайцев.

– Да он просто очень сильный биоэнергетик, – не удержался и ляпнул Тим. И чуть язык не прикусил. Потому что Зайцев бросил на него косой взгляд. – Олежка, ты совсем экстрасенсов не воспринимаешь? – спросил его Тим сочувственно.

Зайцев поморщился.

– Слишком много шарлатанов, – сказал он. – Слишком много фокусников. Сплошь обманщики. И очень часто – не злонамеренные, а просто со сдвигом по фазе. Они в первую очередь себя обманывают.

– Ладно. Что сказал Гульнов по этому поводу?

– Сказал, будем думать. Поедешь со мной в редакцию? Ты все сдал на сегодня?

– Я все сдал навсегда, – ответил Тим. На лицо его вдруг легла тень. Он достал из кармана зачетку и по красивой высокой дуге послал ее точнехонько в урну.

Зайцев ловко поймал зачетку на лету. Тим закусил губу и отвернулся.

– Не могу здесь больше, – пробормотал он. – Здесь все ложь от начала до конца. На весь факультет два нормальных журналиста. Остальные не практикуют уже много лет или выдают такое, что уши вянут и глаза слезятся. Надоело мне.

Зайцев открыл зачетку и перелистал ее.

– Я эту сессию сдал, принципиально не готовясь ни к одному экзамену, – сказал Тим горько. – И всего две тройки. Здесь всем на все наплевать, понимаешь? Единственные, кто болеет за свой предмет, – это крепкие и твердые ленинцы. Партийно-советская печать и история КПСС.

Зайцев протянул ему зачетку.

– Оставь хотя бы на память. Все-таки это три года жизни.

– Если считать армию, то все пять, – вздохнул Тим, неприязненно разглядывая зачетку издали. Помялся и взял. – Ты знаешь, я о двух годах в армии сейчас жалею меньше, чем о трех годах на факультете. Допустим, последний год я почти не ходил – но все равно...

– Поедем, – сказал Зайцев. – Узнаем, что Гульников надумал.

– Он осторожный, – вздохнул Тим.

– Он умный, – сообщил Зайцев наставительно. – И опытный. Он нам объяснит, как все сделать, чтобы не подставиться.

– Я ни в чем не убедил ни его, ни тебя. – Тим вздохнул еще горше.

– Тима, ну ты подумай! Мало доказательств! Мало же! Раскопаем что-нибудь серьезное, и тогда...

Тим «щелкнул». И Зайцев стал таким, какой он есть, – крепкое, прочно стоящее на ногах, очень надежное образование желтых и оранжевых тонов. Через двор факультета пролетело несколько синих грушевидных сгустков. Один из них завис над памятником Ломоносову и принялся за чем-то его изучать. Синие груши Тима не интересовали. Не получалось у них взаимности. Тим «принюхался» к Зайцеву. «Хороший парень Заяц. На него и смотреть приятно, а уж «нюхать» – как это биоэнергетики называют то, что я делаю сейчас, – вообще одно удовольствие. Только вот левая почка слабовата. Ну, это мы поправим. Заслужит пусть сначала».

Тим переключился в нормальный режим.

– Ты о чем задумался так глубоко? – спросил Зайцев. – Оставь, старик, ей-богу...

– Поехали в редакцию, – сказал Тим. – Вздрючим твоего начальника как следует.

– Ты только на него слишком не наезжай. Он знает, что делает.

– Я тоже, – сказал Тим. И в сотый раз глубоко вздохнул.

* * *

– Откровенно говоря, я не очень-то силен в физиологии, – признался Тим. Сейчас он работал, но в последние месяцы это уже не мешало ему общаться. Он стал гораздо сильнее и с каждым днем все изощреннее пользовался своим даром.

Его рука мягко оглаживала живот пациентки на расстоянии нескольких сантиметров от тела. «Может быть, скоро я научусь обходиться без рук, – подумал Тим. – Только бы не распугать клиентуру. В экстрасенса, который совершает загадочные пассы, люди еще способны поверить. А если ты просто напрягся и сидишь как изваяние, то это уже черт знает что такое».

– Как это? – удивилась женщина.

– Ну... Я, конечно, знаю, что у вас две почки и они находятся ближе к спине. Печень, одна штука, вот тут где-то недалеко, в животе. Ну, сердце. Тоже одна штука. Ну, жен-

ские дела... Хотя тут-то я почти эксперт. В том, как эта система функционирует, я хорошо разбираюсь. И приведу ее в порядок, не сомневайтесь. Но это для вас так просто – печень, сердце, почки, придатки... А для меня совсем не так.

– А что же вы видите?

– Знаете, сложно описать. Человек очень непростая структура. Вот представьте себе пишущую машинку. Казалось бы, какие дела – бац по клавише, буква пропечаталась. А на самом деле одна-единственная эта клавиша приводит в действие три цепи, у одной из которых к тому же самостоятельный привод. И попробуй разберись. Вы ведь почувствовали в целом облегчение после того сеанса?

– Да, Тимофей, это было так замечательно...

– Вот видите... Да, я сконцентрировался на вашей конкретной проблеме. Но я не мог не воздействовать на все системы в целом. Кроме того, когда одному органу полегчало, организм смог больше сил бросить на то, чтобы подтянуть остальные. Много тут всякого разного переплелось. А я-то всего-навсего пытаюсь научить вас быть нормального цвета.

– Цвета? Ой, Тимофей, а какая я?

– Разных оттенков желтого и оранжевого. Потом, эти цвета разной интенсивности и разные на ощупь. Как у большинства людей. Но это только на мой взгляд. Я подозреваю, что у каждого биоэнергетика своя палитра. Мы все очень разные. И вообще, я не хотел бы оказаться в одном ряду с другими. Я с ними и не общаюсь почти. И сам не афиширую то, что

я – сенси.

Тим оторвал руку от пациентки, слегка потряс кистью в воздухе, прижал ладони к глазам и неспешно, через все уровни пси-восприятия, начал спускаться к обычной жизни. Секунд через десять он уронил руки на колени, открыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

– Нормально, – сказал он. – Теперь жду вас в четверг, в то же время. Еще два-три сеанса, и все.

– Спасибо вам большое, – сказала женщина, садясь и застегивая кофточку. На Тима она смотрела почти с благоговением.

– Потом, – отмахнулся Тим. – Вот когда родите крепкого здорового мальчика, тогда милости просим ко мне с цветами и коньяком. А пока лучше деньгами.

– Мальчика? – удивилась женщина.

Тим смутился.

– Не знаю... – пробормотал он, отводя взгляд. – Столько я всего чувствую, что иногда сам удивляюсь. Не знаю. Похоже.

Женщина рассмеялась и вдруг протянула руку и провела ладонью по его пышной темно-коричневой шевелюре, спадающей до плеч.

– Мне все равно, – сказала она мягко. – Лишь бы получилось. Мы с мужем так хотим ребенка... Ох, храни вас господь, Тимофей, от таких проблем. Хотя вы-то справитесь, наверное...

– Как знать... – Тим окончательно смутился. – Я тоже не

всесилен. Да, я буду расти, учиться, совершенствоваться, но природа тоже не стоит на месте. Она с каждым годом портится. Тут мне один иглотерапевт жаловался, что в последние годы в Москве что-то изменилось. Он убежден, что его терапия перестала быть такой эффективной, как раньше. Симптомы она снимает по-прежнему хорошо, но саму болезнь уже не лечит. Я думаю, это очень серьезное предупреждение для многих и для меня в том числе.

– Воздух грязный? – спросила женщина, открывая сумочку.

– Все грязное, – вздохнул Тим, принимая деньги. – Спасибо. Воздух грязный, вода, пища... По мне, так самое страшное, что мысли у людей грязные. Кстати, о грязи. Если все получится, рожать постарайтесь за границей. Или подыщите себе заранее что-нибудь надежное здесь.

– Сейчас многие дома рожают...

– А реанимация у вас дома есть?

– Ну, Тима, это вы уж... Ой...

– Да нет, что вы! Нет же! Все у вас будет нормально. Но случаются же непредвиденные обстоятельства, понимаете? Ну, не знаю... потолок рухнет.

Женщина рассмеялась.

– Я поняла, – сказала она. – Но на этот случай я вас приглашу, Тимофей. По-моему, вы лучше, чем реанимация. Во всяком случае, мне рассказывали...

– Врут! – отрезал Тим и почувствовал, что краснеет.

Тряся головой, как эпилептик, Тим стоял посреди тротуара и пытался отогнать наваждение.

Он никого не трогал, ничего особенного не предпринимал. Ему просто нужно было зайти к Рябцеву и поговорить с ним. Но вот уже третий раз за полтора часа Тим, словно впадая на какое-то время в забытие, проходил мимо и удалялся по меньшей мере на два квартала от нужного ему дома.

Сейчас он застрял в километре от искомой точки и больше приближаться к ней не хотел. Где-то неподалеку проходила та невидимая граница, за которой сознание Тима мутилось, и будто какая-то мягкая рука отталкивала его в сторону, заставляя уходить с маршрута вбок.

Тим закурил и тоскливым взглядом обвел улицу. Ему не было страшно. Он ведь не галлюцинировал, не ощущал беспочвенного ужаса. С ним просто творилось что-то не то. Творилось в реальности и наводило на очень неприятные размышления. Он шел на встречу с необычным человеком, и метод, которым этой встрече кто-то пытался воспрепятствовать, тоже оказался из ряда вон...

...Владимир Владимирович Рябцев был шизоид и экстра-сенс. Большинство коллег по цеху шарахались от него, как от чумного. Считалось, что Рябцев своими бредовыми идеями

дискредитирует концепцию целительства. Он часто вел себя как псих, а практикующие сенсы вовсе не хотели казаться психами, они хотели, чтобы их принимали за врачей.

Когда-то Рябцева уважали и побаивались. До того, как у него стали возникать навороченные и детально проработанные бредовые концепции, он многое успел сделать. В частности, был одним из основателей «Центра Новой Медицины», где в свое время «повышал квалификацию» Тим. Он как раз тосковал на одном из семинаров, когда в дверях возник Рябцев. Отодвинув преподавателя, своего бывшего ученика, Рябцев царственно взошел на трибуну и выдал полчаса такой лихой пурги, что слушатели только ушами хлопали. Тогда-то Тим и заинтересовался. Острый журналистский нюх подсказал ему, что Рябцев – это находка. Тим уже слышал историю о «поехавшем» сенсе, который отошел от дел и вплотную занялся борьбой с мировым злом. В частности, ему рассказывал о Рябцеве Олег Зайцев. Владимир Владимирович нуждался в рекламе своих идей и просто задолбал отдел науки звонками с рассказами о том, как повлияло на историю человечества вмешательство сверхцивилизации из планетной системы альфы Большого Пса.

Крепкий дядька лет пятидесяти с удивительно добрым, лучистым и искренним взглядом, Рябцев нес с трибуны крутой бред. Он излагал собственную теорию возникновения жизни на Земле и объяснял, что НЛО – земного происхождения и работают на японскую разведку. Еще он сокрушался

по поводу того, что все евреи – марионетки в руках КГБ, а армянская нация имеет давние и прочные традиции скотоводства.

Преподаватель трусливо бежал. Рябцев проповедовал. Собравшиеся в зале молодые сенсы обалдевали, не знали, что делать, и время от времени судорожно «щелкали». Тим тоже «принюхался» к Рябцеву и увидел ярко светящееся нечто. Этакую звезду, из которой энергия так и хлестала во все стороны, и конца-края энергии не было. По собственным заверениям, Рябцев черпал ее прямо из Матери-Земли, с которой состоял в каких-то непростых отношениях.

Наконец Рябцев уgomонился, призвал всех быть добрыми и бескорыстными, нести свет просвещения в массы и бороться с японской разведкой. Группа с облегчением бросилась врассыпную. А Тим задержался.

За свою довольно обширную журналистскую практику Тим успел пообщаться со многими не вполне здоровыми людьми. Поэтому японская разведка и бедные евреи Тима не смутили. Рябцев интересовал его как носитель информации. В бредовой лекции проскочило слово «психотроника» – термин, который заставил Тима вздрогнуть...

...На улице зажглись фонари. Тим затоптал сигарету и бросил взгляд в ту сторону, куда хотел добраться. Голова мгновенно закружилась. «Нет, хватит с меня...»

Наверное, ему все-таки следовало испугаться. То, что он

сейчас испытал на себе, опытные люди называли «вождение». И Тим еще легко отделался – его просто не пускали туда, куда он шел. А некоторым «водимым» случалось и лоб разбить о стенку, двигаясь по улице в состоянии наведенного извне транса.

Но страха Тим по-прежнему не чувствовал. Измененное состояние, навязанное ему кем-то со стороны, затормозило его реакции. Тим просто хотел освободиться, снова быть себе хозяином. А для этого следовало как можно дальше уйти от запретной территории.

И крайне желательно – выпить пива...

...Общество сенсов, как и любой замкнутый профессиональный клан, породило свои мифы и легенды. Не только прикольные байки, но и настоящие «ужастики». О том, например, что проклятые коммунисты заказали технарям из КГБ разработку аппаратуры для дистанционного контроля над человеческой психикой. И со дня на день пустят ее в дело.

Не самый беспочвенный страх. Еще в пятидесятые годы французы выдумали систему подавления на низких частотах – инфразвуковое оружие. Говорили, что при достаточной мощности эта штука отслаивала человеку мясо от костей. Американцы, применяя какую-то сложнейшую психотехнику, создавали людей с многослойным сознанием, когда в одном теле уживались две-три личности. Но самые интересные

вещи шепотом говорили про наших. Мол, в тайных лабораториях КГБ давно уже построили жуткую машину, безмерно усиливающую возможности оператора-сенса. Эта техника может на расстоянии остановить тебе сердце. А может и подчинить тебя, превратив в... Тут чаще всего раздавалось слово «зомби».

Тим слушал эти рассказы, морщась. Его всегда коржило от неверного употребления терминов. И над словом «зомби» он хихикал. Хотя определение «биоробот» было еще глупее. Но оба они постепенно входили в обиход. И все чаще осмелевшие от водки сенсы несли какую-то чушь про зомбированных агентов КГБ, шляющихся по московским улицам, и таинственные смерти людей от остановки сердца во сне.

Тим догадывался, почему легенда так живуча и занимает умы коллег. Дело в том, что, согласно каноническому тексту легенды, операторами в «Программе «Зомби» тоже работали сенсы. Таинственная аппаратура не подчинялась обычно человеку. Оператором мог быть только сенс. А это означало, что все сенсы с их невинными шалостями типа целиительства и биоэнерголокации, за которые пока никого не посадили, вдруг оказывались под колпаком у «органов». И если аппаратура действительно существует, то однажды сенсов возьмут в оборот. Половину для острастки посадят, а другую навечно поставят «к станку». Естественно, ни одному нормальному сенсу оказаться ни в той, ни в другой половине не улыбалось.

Особенно их раздражало, что сумасшедших вроде Рябцева вербовка не коснется. Потому что Рябцев в принципе неуправляем. Некоторые, правда, надеялись, что его все-таки тоже посадят.

Несколько раз Тима отзывали в уголок на традиционных вечеринках после семинаров в «Центре» и спрашивали, не слышал ли он что-нибудь о «Программе «Зомби». Журналист все-таки. Тим не слышал. Тогда ему бросили в почтовый ящик странный документ. Некто Бандуров, якобы бывший политзаключенный, человек явно со сдвигом на сексуальной почве, описывал на трех страницах машинки, как ему в голову внедрились загадочные «голоса», подавили его волю и принялись крутить им, как хотели. Тим подумал, что от этой-то бредятины легенда и пошла. Он спустил документ в унитаз, но какой-то осадок в душе остался.

И этот осадок всплыл, когда Рябцев походя использовал термин «психотроника». Название мифической науки о техническом моделировании паранормальных способностей человека...

...В пивной оказалось на удивление тихо и просторно. Тим без труда нашел посуду, разменял деньги, протолкался к автоматам, налил себе три кружки, нырнул за угловой столик и жадно припал к разбавленному, но все равно вкусному напитку.

Первую кружку он опорожнил секунд за десять. Вторую

пил смакуя, с расстановкой, чувствуя, как сдавивший разум железный обруч распускает тиски. Третью кружку Тим за-толкал в себя с усилием. И понял, что все – отпустило. Он сорвался с крючка. Пивное опьянение частично парализовало центр контроля в мозге, и кто-то чужой, «державший» Тима через этот центр, мог теперь дергать за ниточки сколько угодно. Тим окосел и был свободен. Теперь ему просто захотелось все спокойно обдумать, и он пошел за добавкой.

Вернувшись к столику, он обнаружил за ним высокого худого человека с изможденным лицом и ослепительно горящими глазами. Тим сразу понял, что это за птица, но по инерции сунул кружки на стол. А блокироваться уже не успел, потому что худой поймал своими прожекторами его взгляд. И не отпуская.

У Тима подогнулись колени, и он тяжело облокотился о стол. На такую наглую, хамскую откачку энергии он нарвался впервые. С огромным усилием ему удалось выстроить перед собой невидимый барьер, и энергетический «ствол», установленный худым, закрылся.

– Ну и сука же ты! – пробормотал Тим, отдуваясь. – Тебе не стыдно, а? Как так можно?

Худой противно хихикал, сверля Тима полубезумным взглядом.

Тим судорожно цеплялся за край стола, с трудом удерживая себя на ногах. Больше всего ему хотелось упасть и потерять сознание.

– Ладно, – сказал худой. У него оказался высокий скрипучий голос. – Ты извини. Откройся...

Тим подумал, что хуже не будет. Он расслабился, посмотрел худому в глаза и почувствовал, что энергия пошла обратно. В Тима упругими толчками вливались жизненные силы.

Худой явно добавил ему здоровья и от себя, потому что Тима затошнило. Он отлип от стола и бросился в направлении туалета.

Когда Тим, утираясь рукавом, вернулся, худой меланхолично прихлебывал из его кружки.

Тим «щелкнул». Да, он не ошибся. Перед ним был обычный сумасшедший экстрасенс, каких в Москве полным-полно.

– Ну и зачем все это было? – спросил Тим агрессивно.

– Соскучился, – признался худой. Он отставил пустую кружку и взял следующую. – Давно я не видел таких, как ты... А потом, я ведь тебя узнал. Мы с тобой встречались. В Древнем Египте.

Тим со вздохом придвинул к себе последнюю кружку и осторожно сделал несколько глотков.

– Ты не беспокойся, – утешил его худой. – Все у тебя будет хорошо, я знаю. Жить ты будешь долго и много будешь мучиться. В смысле – морально...

– Ну, спасибо, – процедил Тим.

– Главное – не забывай, что мы должны, – сказал худой и ярко сверкнул глазами исподлобья.

– И что же мы должны? – хмыкнул Тим.

– Пауков давить! – неожиданно яростно высказался худой.

– Кого?!

– Пауков! Кагэбэшников!

– А-а... – Тим достал сигареты, и худой тут же к ним потянулся. Тим подвинул ему спички. Чем-то этот псих его привлекал.

– Я уже не могу, – сказал худой, выпуская колечками дым. – Они меня сломали. А ты – можешь.

– Не похоже, чтобы тебя сломали, – заметил Тим.

– Не похоже?! – рассмеялся худой. Он придвинулся к Тиму и, вглядываясь в его лицо, спросил: – А тебя когда-нибудь в жопу е...ли?

– Ой... – Тим инстинктивно отодвинулся.

– А меня е...ли, – сказал худой. – Мылом жопу мазали и е...ли.

– Кто? – машинально спросил Тим.

– А мальчишки-педерасты. На зоне. Вот так-то. Я за это, – худой ткнул пальцем себе в переносицу, – сел. И они меня там... Ф-фух!

– Что значит – за это?..

– Незаконная врачебная практика. Колдуном меня выставили. Понял?

– А, вот ты где! – раздалось откуда-то сбоку. Тим оглянулся. К столику приближались, слегка пошатываясь, двое

мужчин средних лет.

– Привет! – сказал Тиму один из них, усатый, потный от выпитого, в распахнутой настежь куртке. – Ну что, – он повернулся к худому. – Пошли! Мы тебя и так уже полчаса ищем...

– Да я тут вот с парнем разговорился...

– Ага! – рассмеялся усатый, бросая взгляд на Тима. – Разговорился! Да мужик от тебя уже ох...ел! Ты посмотри на него!

Худой равнодушно пожал плечами.

– Ладно. – Он снова повернулся к Тиму. – Ты только не забывай. Ничего не забывай. И делай, что должен. Все у тебя будет...

– ...Хорошо! – закончил за него фразу усатый, взяв худого под руку. – Пошли!

– Пошли! – согласился худой, позволяя увлечь себя к выходу. Сделав шаг, он обернулся.

– У тебя все получится, – сказал он Тиму. – Я вижу. Ты – то, что надо. Тонкая душа и стальное сердце. Никого не жалей. Только сделай, что должен... – И его уволокли.

– Браток, – обратился к Тиму второй из подошедших, мучительно пытаясь сфокусировать на Тиме взгляд. – Ты его извини, ладно? Он классный мужик, просто еще не привык здесь...

– Да все нормально, – кивнул Тим. – Ну и отлично. – Его собеседник повернулся, чуть не потерял равновесие, но

взмахнул руками, удержал себя от падения и двинулся зигзагом на выход.

Тим сжал ладонями виски. Только сумасшедшего биоэнергетика со странной проповедью ему не хватало для того, чтобы совершенно обалдеть.

Он слишком много думал в последнее время о том, о чем не должен был бы задумываться. Ни как журналист, ни как сенс, ни как просто человек. А теперь он познакомился с «вождением» и тут же получил странный намек, который можно было понять только как предупреждение.

И вот тут-то ему стало по-настоящему страшно. Теперь он ненавидел себя за то, что подошел однажды к Рябцеву и оказался в самом эпицентре конфликта, сути которого до сих пор не понимал...

...Полтора часа в пустой аудитории он говорил с Рябцевым, греясь в потоках света и тепла, струившихся из этой странной, но удивительно симпатичной личности. Тем не менее голова у Тима под конец разболелась из-за необходимости постоянно «фильтровать базар». Но в итоге Рябцев пообещал свести Тима с неким Плыниным, в лаборатории которого Тим увидит очень много интересного.

Через неделю Тим побывал у Плынина и действительно увидел такое, что кинулся в газету, прибежал в отдел науки и уговорил Олежку Зайцева сходить посмотреть.

И тут события начали развиваться лавинообразно. Некто

чужой попытался атаковать и «пробить» Тима. Зайцев и заведующий отделом науки Володя Гульнов рассказали Тиму, чисто по дружбе и в порядке хохмы, что в газету приходят странные письма от людей, которые уверяют, будто их сознание кто-то хочет подчинить.

А потом Тиму позвонил Рябцев. Он сказал, что в гостинице сидит одна женщина, приезжая, издалека, которая остро нуждается в разговоре с журналистом. Тим отнекивался, но Рябцев мог затрахать мертвого. Тим пришел, увидел эту женщину, задал ей несколько вопросов и навсегда проклял тот день, когда решил познакомиться с Рябцевым.

* * *

Хозяева называли ее Эфа. По первой букве ее настоящего имени – Ф. Однажды поздним вечером, увидев за окном яркое свечение, она выглянула наружу в полной уверенности, что мимо пролетает НЛЮ. Окраина города, местность пустынная. Машины внизу она уже не заметила. Так же, как и приборов, которые появились в квартире одинокой женщины на следующий день. Они показались ей чем-то совершенно естественным и стали неотъемлемой частью ее жизни на долгую тысячу дней.

А тогда, в момент первого контакта, была только нахлынувшая вдруг страшная подавленность и непреодолимое желание спать. Утром, по пути на работу, она впервые услы-

шала странный звук и почувствовала нечто, что тоже вскоре стало привычным. Ощущение было потрясающее, словно летишь на крыльях. Исчез вагон метро, и был только мелодичный гул в голове, по волнам которого уносишься далеко-далеко. А потом раздались человеческие голоса.

Конечно, она собралась к психиатру. Но что-то остановило ее на полпути. Она трезво оценила ситуацию: вот является к доктору одинокая некрасивая тетка сорока трех лет... И вернулась. А ее бы и так не пустили. Все должно было оставаться по-прежнему – тихая, спокойная жизнь, работа. Никаких изменений хозяева не хотели. Они вели эксперимент.

Их было несколько, один – главный. «Зови меня Черт», – сказал он. У них сложились очень хорошие отношения, у хозяев и их кролика. Эфе объяснили: эксперимент грандиозен, и то, что именно она выбрана в качестве объекта, делает ей честь. И Эфа была довольна.

Приходя домой, она усаживалась напротив телевизора и разговаривала с Чертом, глядя в темный экран. Вместе они мечтали, как все изменится в мире, когда эксперимент закончится. Когда вся планета научится обмену информацией на биоэнергетическом уровне. Когда все станут телепатами. И как все от этого будут счастливы.

Была ли счастлива она сама? Пожалуй. Впервые за долгие годы ее жизнь оказалась полной смысла. Хозяева воспринимались ею как друзья, товарищи по ответственной работе на благо всей Земли. Она безошибочно отличала голос Черта

от других и любила с ним общаться. Он был шутник. Посылал ей поцелуи, рассказывал анекдоты. Черт не делал скидок только на одно: он совершенно не думал о том, насколько изнашивается нервная система биоробота.

Или, наоборот, хотел это выяснить?

Игра продолжалась три года. За это время хозяева продвинулись очень далеко. Они внушали Эфе, что хотели, и она воспринимала их желания как собственные. Приказ не выглядел приказом: объект просто знал, что должен сделать то-то, не ощущая вмешательства в свою жизнь. Но жизнь эта объекту уже не принадлежала.

Тем временем напряжение в психике объекта росло. Сбой в программе возник осенью 1988 года. Контроль ослаб. Черт перестал активно вмешиваться в дела робота. И Эфа начала критически осмысливать реальность. Нет, она по-прежнему любила Черта. Но в ее душе угнездился страх. Она поняла, насколько велика была власть хозяев над ней. И решила во всем разобраться.

Возможно, Черт задумал проверить, воспримут ли Эфу всерьез. Или хотел на нее «поймать», как на живца, сильно-го биоэнергетика. Так или иначе, Эфа уже не была роботом. Хотя убежденно говорила по-прежнему, что эксперимент не несет в себе зла. Но появилась одна странная особенность в ее поведении. Некий инстинкт гнал ее в Москву, к центральной лаборатории Черта, местонахождение которой ей не сообщали. Но Эфа довольно четко ощущала направление. Се-

веро-запад.

Приехав в Москву, она начала звонить во все доступные места и спрашивать, что ей делать. В редакциях газет вешали трубку. Тогда она занялась ведомствами, пытаясь узнать, где могут идти работы, хотя бы смежные по тематике. Разумеется, впустую. Тогда Эфа призвала на помощь экстрасенсов. Приходили несколько человек, но, по их свидетельству, вокруг Эфы был непроницаемый для них заслон. Кроме того, они крайне неуютно чувствовали себя в одной комнате с ней.

Черт посмеивался и отпускал ехидные замечания. Швелил занавесками в гостиничном номере, бряцал посудой в холодильнике. Пробовал вышибить стулья из-под гостей Эфы. Забросил на оконный карниз третьего этажа маленького чертика, сплетенного из куска телефонного кабеля. И не давал комментариев.

Но когда пришел Тим, Черт сказал: «Ты связалась-таки с прессой, это интересно. Посмотрим». Эфа рассказывала Тиму свою историю, периодически обращаясь к Черту за уточнениями. Он иногда отвечал, иногда нет. Потом вдруг ляпнул: «Дура ты, дура, а стоишь миллион».

Тим ушел, а Рябцев остался. «Мы тут еще поболтаем», – сказал он. Тим кивнул и вышел на холод, размышляя, как это его угораздило забыть диктофон. Никогда раньше с ним такого не случалось.

Впрочем, он запомнил все очень хорошо. Особенно – то, что увидел, «щелкнув». Это было так необычно, что за вре-

мя беседы он «щелкал» трижды. Но видел все то же – размытое угольно-черное пятно. Мягкая, чуть шершавая фактура поверхности. Слабо шевелящиеся края. Один раз Тиму показалось, что пятно выдвинуло щупальце в его направлении. Он было напрягся, но ложноножка втянулась обратно. При воспоминании об этом эпизоде Тима передернуло, и он плотнее запахнул пальто. Холод. Холод шел от этого пятна по имени Эфа. Кошмарный холод.

* * *

– Привет! – позвал голос.

Тим вздрогнул, открыл глаза и в ужасе сжался в комок. Он еще не успел по-настоящему заснуть, только-только начал задремывать, и голос расслышал очень хорошо. «Проклятье! Многие вполне нормальные люди, оставшись в тишине и одиночестве, слышат потусторонние голоса. Наша психика не любит тишины и пустоты и старается вакуум заполнить. Со мной так бывало. Я всегда мечтал отгородиться от людей, залезть в нору и там притихнуть. Не пугали меня такие голоса. Но этот... Вот чертовщина!»

Тим «щелкнул» и внимательно осмотрел комнату. Никаких аномалий. Вроде бы... «Ого! Как это я проморгал? Да нет, раньше я просто был слабее и таких вещей не мог разглядеть. Однако крут становлюсь... – Тим свесился с кровати. На полу отчетливо проступали голубые линии. В глуби-

не сознания Тим аж рот открыл и язык высунул от восторга. – Надо же, не врут люди! Вот они, силовые линии, вот она, сетка энергетического поля, которой покрыта вся Земля. И идут полосы точно перпендикулярно друг другу, слегка пульсируя в местах скрещивания. Как по учебнику – прямоугольники, где-то два на два с половиной метра. Хорошо, что комната большая и все отлично видно».

Тим напрягся и увидел еще больше. Возможно, ему показалось, но он разглядел, что линии не были плоскими – вверх от поверхности земли шли тонкие полупрозрачные стенки. Тим осторожно ткнул одну из стенок пальцем, но ничего не почувствовал. Тогда он поднялся с кровати, шагнул к ближайшему «перекрестку» и потрогал его. «Ф-фу! Жжется. Чуть-чуть, но противно. Недаром на таком перекрестке никогда не ляжет собака. А человек, тупица, ляжет. И никак понять не сможет, отчего ему так плохо спится, и вообще он какой-то никакой.

Н-да. Оппаньки!»

Тим потряс головой, переключаясь, и почти бегом рванул в кабинет. Несколько минут он сосредоточенно рылся в ящиках стола, пока не нашел то, что искал, – простенькую биолокационную схему квартиры и инструмент, с помощью которого она была составлена. Гнутая под девяносто градусов стальная вязальная спица. «Помню, как хозяин квартиры тогда обалдел...»

Взяв карту в руки, а спицу в зубы, Тим вернулся в спаль-

ню. «Точно как в аптеке. Все перекрестки силовых линий, которые я тогда засек, соответствуют тому, что вижу сейчас». Для верности Тим взял спицу и ткнул ею в ближайший перекресток. Спица чуть шевельнулась. Тим подвинулся, и спица тут же ожила, резво крутнувшись градусов на двести. «А чего я, собственно, проверяю себя? Ну, увидел я эти линии. Подумаешь! Я еще бублики вижу, молнии, груши и шарики. Скоро разгляжу, как бабы голые кругом летают, – и что, это меня удивит? Да нисколечко».

Тим присел на кровать и задумался. «А ведь по делу я разволновался. Ни про груши, ни про шарики, ни даже про голую бабу ни в одной книге не сказано. И ни один биоэнергетик мне про них не говорил. Так что это мое личное дело. А вот про силовые линии черным по белому прописано в учебнике практической биолокации. Так, мол, и так, ячея два на два с половиной, геопатогенные точки в местах скрещивания, лучший инструмент выявления – спица из стали. Про остальное я читать тогда не стал. Я же лекарь, народный целитель, трам-тарарам. Меня именно геопатогенные эффекты и волновали... Черт! И все-таки, про голых баб. И про летающие тарелки. Положим, сегодня я увидел сетку. А что я увижу завтра? Это ведь может оказаться что-то совершенно запредельное. Не спятить бы».

– А пойдем-ка, брат, отметим это дело! – провозгласил Тим, встал и направился в кухню. И только открыв дверь холодильника, обнаружил, что все это время уверенно двигал-

ся и отлично видел в крошечной темноте.

* * *

В лаборатории Польшина было непривычно шумно. Осторожно заглянув в двери, Тим увидел, что весь персонал сгрудился у польшинского стола и наперебой рвет друг у друга из рук какие-то фотографии. Сам Польшин, большой, грузный, седой и какой-то удивительно экономный в движениях, словах и даже интонациях, восседал в кресле и благодушно улыбался. А перед ним прыгал и жестикулировал, что-то объясняя, мелкий и совершенно несерьезный с виду мужичок лет сорока.

Тим шагнул в комнату и осторожно поздоровался.

– А, Тимофей! – Польшин вяло поднял руку. – Заходите. Посмотрите, вам это будет очень интересно.

Лабораторские на Тима едва взглянули и снова принялись за фотографии. Мелкий оживленно потряс Тиму руку. У него оказался пронзительный острый взгляд, как будто он видел все на свете словно в икс-лучах. И еще в этом взгляде была усталость.

Тим взял одну из фотографий и обомлел. Он уже видел снимки человеческой ауры, даже бубликов и груш, подманных на руку оператора. Ему показывали фотографии, запечатлевшие излучение пачки сигарет и чернобыльской картошки, и получившееся случайно изображение лаборанта,

стоявшего за запертой дверью. Здесь насобачились делать такие вещи, о которых прогрессивное человечество и не подзревало. Но это делали именно в лаборатории, намеренно, продираясь трудными путями, надрываясь и кряхтя. И качество изображения было, как правило, более чем поганое.

А фотографии, которые принес мелкий, отображали вполне нормальные интерьеры и пейзажи. Немного не в фокусе, но гораздо лучше, чем у Плынина. И в этих пейзажах и интерьерах всю резвились шарики.

– Вот, – показывал мелкий, подпрыгивая от возбуждения, – вот двое у меня на плечах сидят, а один на руке устроился. И еще несколько в углу, вот. А тут, смотрите, я ночью крестный ход на Пасху снимал – и сам даже внимания не обратил, а потом гляжу – сидит! Наблюдает!

Действительно, на дереве чуть в стороне от церкви притаился здоровенный шар, размером чуть ли не с футбольный мяч. Яркий-яркий. Тим внимательно обследовал еще один снимок, потом еще. «Чертовски не похоже на фотографический брак. А на ловкую мистификацию похоже. Ну, положим, я уверен, что это не мистификация. Но публиковать такое фото в газете – номердохлый».

– Виктор Иванович прошлой весной попал под излучение НЛО, – вяло сказал Тиму Плынин. – И вот, начал их видеть. А теперь и фотографировать научился. И гораздо лучше, чем мы. Гм-м...

– Ох, они мне поначалу жизни не давали! – рассмеялся

мелкий. – Как только засекли, что я их вижу, просто чуть не заклевали! Но я им то-оже задал перцу! Не сразу, конечно, непросто это, но разобрался, что к чему, и такое им устроил! У нас теперь вооруженное перемирие.

– Вы уж поосторожнее, Виктор Иванович, не расходуйте себя понапрасну, – попросил Польшин.

– А чего они первые-то?! – возмутился мелкий. Он явно наслаждался общением с людьми, которые ему не просто верят, но еще и хорошо понимают его проблемы. Внутренне Тим ему кивнул.

– Я тут на днях в поля выезжал, на натуру, – продолжал мелкий. – Календарь мне заказали с видами... А эти полетали-полетали, а потом в кучу сбились, и вдруг, я прямо обалдел, гляжу – летит в небе здоровая черная курица. Предупреждение мне такое... Ничего, они у меня дождутся! Их и тут полно, вон, в коридоре у вас... Сюда не суются, а там прямо роем носятся! Прямо роем!

– Н-да, – протянул Польшин. – Тимофей, вы что-то хотели...

Тим улыбнулся. «Поскольку к фотографиям я особого интереса не проявил, значит, аудиенцию пора заканчивать. У них тут с мелким, видимо, будет серьезный разговор. Ох, до чего же биоэнергетики старшего поколения любят все секретить! Инстинкт самосохранения. Ладно, сделаю дело и уйду».

– Вы не знаете, где сейчас может быть Рябцев? Владимир

Владимирович? – поинтересовался Тим. – Похоже, его нет в Москве.

Полынин задумался.

– Интересный человек, – неожиданно выдал он фразу, которой Тим совсем не ожидал. – Его идеи... подчас неожиданны. Но всегда интересны. Я не знаю, Тимофей. Он заходил на той неделе. Но не говорил мне, что куда-то собирается.

Тим кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Спасибо. Я зайду, как только у меня будет для вас обнадеживающая информация.

По такому поводу Полынин даже встал и лениво протянул Тиму широченную ладонь. Взяв ее в руку, Тим чуть было не «щелкнул», настолько она оказалась теплая. Мелкий с Тимом попрощался без сожаления. Тим явно не произвел на него впечатления понимающего собеседника. Он был просто вежлив и внимателен – а таких мелкий мог найти сколько угодно в ближайшей психбольнице. И наверняка успел немало повидать к сегодняшнему дню.

Тим «щелкнул» – таки, выйдя на улицу. Полынинская лаборатория долбила в небо рыжим светом, что твой вулкан. На фоне нулевой активности пятиэтажного жилого дома, подвал которого занимали ученые, это было очень красиво.

Тим «щелкнул» глубже, потом еще глубже, потом до упора. Но силовых линий на почве не разглядел. «Похоже, мое восприятие активнее всего ночью, – подумал он. – Может

быть, ведь я «сова». Ярко выраженная. А Польшин ярко выраженный сенс. И тем не менее никогда свой дар не обнаруживает при посторонних. Только однажды я его застукал, когда он ладонью обшаривал какой-то датчик. Но это я, сенс, мог определить, что он его «нюхает». Конечно, вряд ли бы Польшин многого добился, если бы при разработке приборов себя не использовал в первую очередь как прибор».

Тим закурил и двинулся к метро. На ходу он размышлял о том, какая, наверное, у Польшина была непростая жизнь. Сильному экстрасенсу для того, чтобы дослужиться в науке до докторской степени, нужно быть очень сдержанным и волевым человеком. Природа сенса такая – он хочет использовать свой талант, постоянно тренировать и развивать его. А значит – время от времени его будут на этом деле засекать посторонние. И тут же пойдет нехороший слушок...

«Но ведь он нашел выход», – подумал Тим. Действительно, Польшин оказался достаточно умен, хитер и расчетлив. Он работал в той области знания, в которой, как ему казалось, были корни его паранормальных способностей. Работал успешно. И в итоге получил собственную лабораторию. Собрал вокруг таких же сенсов, только послабее, и начал сооружать технику для локализации подземных аномалий. На радость якобы геологам. «Хотя я-то уверен, – мысленно усмехнулся Тим, – что этот его Институт минералогии, и еще какой-то логики, и чего-то еще – только прикрытие. На военных ты работаешь, Польшин. Не на ГБ, не такой ты человек,

я-то знаю, я ведь тоже сенс. Но что-то ты делаешь для генералов, это уж сто процентов. Умница ты, Полюнин.

Я только одного не понимаю – зачем ты пошел на контакт с журналистом? Журналисты не любят недосказанностей. А ты постоянно о чем-то умалчиваешь. И на многое намекаешь. Допустим, ты хочешь предупредить об опасности. Но кто мне даст опубликовать твоё предостережение? У меня нет доказательств. Я мог бы их привести, опираясь на свои возможности сенса. Но стоит мне в редакции произнести это проклятое слово – «экстрасенс», и каюк. Ребята видели достаточно шарлатанов и психов для того, чтобы над словом этим хохотать до упаду. И предложат они мне сходить подлечиться. А показать им красивый фокус я не смогу. Я не фокусник. Я биоэнергетик. Я лечу некоторые болезни, стабилизирую давление и работу сердца, провожу то, что я называю «балансировкой организма в целом». Но я не умею смотреть через стену, внушать мысли на расстоянии и угадывать карты Зенера. Может быть, пока не умею. А может, и никогда не смогу. И что же мне – как Полюнин, всю жизнь прятать свой дар от людей? Вот уж фигушки. Но как именно действовать, я ещё не придумал».

Тим остановился у винного магазина и глубоко задумался. В магазине было хоть шаром покати, но у входа околачивались бутлегеры. Тим почувствовал мелкие, с гаденькой пеной, волны интереса, идущие от них.

«Я получил информацию, которая может перевернуть

мир. Хуже, чем перевернуть, – сломать, изуродовать. Интересно – окажись в моих обстоятельствах не сенс, а обычный человек, просто нормальный журналист... Посмеялся бы. Или постарался бы как можно скорее все забыть. Как ни крути, а тема – гроб. Такой материал в редакции не просто задавят, а даже затопчут. Вместе с автором.

Но главное – пусть даже спустится с неба архангел и откроет мне «зеленую улицу», – я вообще не уверен в том, что это стоит публиковать.

Сейчас народ газетам верит как никогда. Но информация, которой я собираюсь с ним поделиться, не уместится в головах. И меня поднимет на смех вся страна. А потом тысяча десять-двадцать психов бросится на улицы, крича, что ими манипулируют. Это будет очень закономерно. Это уже начинается. В девятнадцатом веке модно было косить под Наполеона. А в двадцатом модно воображать, что у тебя в голове радиоприемник, принимающий сигналы от Фиделя Кастро.

Выходит – я ничего не могу сказать людям. Но как же мне дальше жить?»

Тим закусил губу, повернулся на каблуках и решительно двинулся за водкой.

* * *

Выставив перед собой топор, мягкими неслышными шагами Тим продвигался вперед по тускло освещенному узко-

му коридору. Он плохо видел, в глаза текло что-то скользкое и липкое, но не хватало сил утереть лоб. Страшно было даже на секунду отпустить рукоятку тяжелой железяки, которая давала Тиму единственный шанс отбиться от кошмара, прячущегося за углом.

Кошмар не заставил себя ждать – издалека, отражаясь от стен, донесся хриплый утробный рык вервольфа. Тим похолодел. Он уже знал, что будет дальше. Помнил развитие событий до мельчайших подробностей и не хотел слышать еще раз свой безумный предсмертный вопль. Тим остановился и замотал головой, пытаясь стряхнуть наваждение. Не открывая глаз, он бился на кровати, как выброшенная на берег рыба.

Из-за угла показалась оскаленная морда, то ли волчья, то ли медвежья. И взгляд ее желтых глаз был настолько ужасен, что Тим заорал, рванулся и проснулся. Весь в поту, судорожно вцепившись в одеяло, он лежал, глядя в потолок, напрочь парализованный страхом.

– Как дела? – спросил голос.

Тима словно ударило током. Он скрутился на кровати углом, инстинктивно пряча голову под подушку. «Опять этот голос на грани яви и сна! Все тот же голос». И на этот раз Тим поймал самое главное. Этот голос пришел извне. Его не вытолкнуло наружу подсознание, он не был сгенерирован где-то в мозгу. Нет, он появился из-за стены и пронзил Тима насквозь, как пронзает голубая молния. Тим почувствовал,

что на глаза наворачиваются слезы. Слезы беспомощности перед чем-то сильным, неведомым, страшным.

В ванной Тим долго смотрел в зеркало. Его била мелкая дрожь. Безошибочный инстинкт сенса твердил: проваливаясь в сон, он испытал какое-то воздействие со стороны. «Что происходит? Это не сумасшествие, точно. Я слишком много читал по психологии и общался с психологами, чтобы не распознать первые ростки душевной болезни. Нет во мне безумия. Давным-давно я разложил себя по полочкам, отнес к шизоидному типу и успокоился. Я нормален. Тогда что со мной?»

Толкая себя, как бревно, Тим доплелся до кухни. Он снова полз по стене и зажигал везде свет. Ему было страшно.

Он долго пил водку из горлышка и приходил в себя, калачиком свернувшись в кресле. Потом сделал бесконтактный массаж и наткнулся на несколько «вмятин» в ауре. «Кто-то чужой ударил меня. Не могу поверить. Не могу-у-у-у...»

– Алкашом меня сделаете, уроды! – громко сказал он в пространство. И снова припал к горлышку.

Потом он жадно глотал воду из чайника. А потом «щелкнул», очень сильно, почти до обморока. И впервые в жизни увидел мир во всем его многообразии.

И упал, обессиленный и потрясенный открывшейся ему красотой, в кресло. И заснул мертвым, непробиваемым сном.

– Я не знаю, имеет ли смысл об этом говорить, – сказал Тим, рисуя сигаретой в воздухе причудливый узор. Он был уже здорово пьян. – Но понимаешь, солнышко, мне очень хочется с кем-то поделиться. Конечно, это глупо до крайности – рассказывать ужастики дорогому тебе человеку...

– А ты не думай, – предложила Ольга. – Ты просто возьми и расскажи. Был уже третий час ночи, и они сидели у Тима, по разные стороны кухонного стола, глядя друг другу в глаза. Пепельница была полна окурков, закуски съедены, бутылки пусты, и они занимались любимым делом – разговаривали.

Ольга была платиновая блондинка таких насыщенных тонов, что ее часто принимали за крашеную. Высокая, с отличной, даже на привередливый взгляд Тима, фигурой, она привлекала внимание мужчин всех возрастов и достатков. Но сидела она на кухне у безработного ровесника и вглядывалась в его лицо так, будто собиралась писать с него портрет. Впрочем, это-то она уже пыталась сделать однажды, но задача оказалась ей явно не по плечу.

– Понимаешь... – сказал Тим и глубоко задумался. Протянул назад руку, не глядя, открыл дверцу холодильника и вытащил очередную бутылку. Уверенными движениями, не пролив ни капли, смешал водку пополам с белым вермутом, добавил тоника, бросил льда в бокалы, один подвинул Ольге, а к другому припал сам и долго, с наслаждением, тянул чудесный напиток, приносящий уверенность и покой. Ольга рассеянно перекачивала бокал в пальцах, слушая, как шур-

шит о стенки лед.

– В общем, такое дело, – пробормотал Тим, с трудом отрываясь от коктейля. – Я наткнулся на тему, о которой думать-то неприятно, не то что говорить. Но я почти на сто процентов уверен: сегодня в нашей стране очень активно идет разработка принципиально нового оружия.

– Что-то по твоей части?

– Да, – кивнул Тим. – Если бы я был не я... Очень уж сложно в такую штуку поверить. Она словно из фантастического романа. Ты читала «Обитаемый остров» Стругацких?

Ольга слегка присвистнула и взяла сигареты. Тим протянул ей огня.

– Разумеется, пока эта разработка в стадии эксперимента. Но у меня есть информация, вполне достоверная, о том, что они ведут полевые испытания. Склепают образец – и тут же в дело его... – Тим взял из пепельницы окурок, увидел, что тот потух, и потянулся за новой сигаретой.

Ольга смотрела на него очень внимательно и ждала продолжения. Она была единственным из близких Тиму людей, который спокойно относился к тому, что Тим – сенс. Год назад по совету подруги она обратилась к Тиму с пустяковой, но жутко неприятной мигренью. Тим нашел, что это чистой воды психосоматика, и искренне посоветовал девушке в качестве радикального средства как следует влюбиться. Впрочем, мигрень-то он ей вылечил. Но не более того. Он никогда не шел на тесные контакты с пациентами. Старался их

даже не жалеть. Смотрел на человека просто как на разладившийся прибор. И чинил.

А потом они столкнулись на улице. И их притянуло словно магнитом. Они сидели у Тима на кухне, пили мартини и говорили, говорили, говорили... Потом чуть не каждый день встречались, ходили на выставки и концерты, опять сидели на кухне, пили и боролись с желанием кинуться друг другу на шею. У обоих было слишком трудное личное прошлое, они стали осторожны и внимательны и искали в партнере что-то большее, чем обычно ищут люди. Им обоим сейчас был особенно нужен не любовник, но друг.

И все-таки они еще не были по-настоящему друзьями, когда в лифте, где совершенно невозможно было сохранять дистанцию, Тим протянул руку и мягко-мягко погладил ее волосы. Лифт стоял на этаже уже минуту, а они все не могли разомкнуть объятия, и губы их сливались в мягком и плавном движении. Они слишком давно хотели друг друга и были совершенно уверены в том, что так и будет. И этот поцелуй стал не бешеной вспышкой страсти, а лаской, близкой к священнодействию.

И они опять прошли на кухню и привычно сели по разные стороны стола. Но теперь они держались за руки. И Тим говорил, а она слушала, а потом говорила она, и слушал он. А потом он сказал, что это нужно отметить, и опять смешивал коктейли.

И еще они долго-долго шли по коридору в спальню, роняя

на пол одежду, то прижимаясь друг к другу, то отстраняясь, чтобы получше рассмотреть свое новое приобретение и убедиться, что все у него именно так, как хочется. Все происходило будто в сказке, совсем не так, как в дни пугливой и суетливой юности, когда то, что «это со мной было», гораздо важнее, чем «это было так...». Видимо, они стали взрослыми. И их предыдущий опыт, глубокий и богатый механически, но совершенно бездарный по сути, теперь дал им очень важное. Они не стеснялись любоваться и не боялись ласкать. Для них не было движений стыдных или неловких, им ничто не мешало, и ничто не торопило их. Когда упругие молодые груди, освободившись от тесной материи, прижались к груди Тима, у него закружилась голова. И когда в белизне чистых простынь – будто знал он, что все случится именно сегодня (а ведь не знал, не знал), – к ее бедру прижалась его вздыбившаяся плоть, она протянула руку и осторожно погладила его и прошептала: «О, какой ты красивый...» – он понял, что она имеет в виду. И вошел в нее, и уже через минуту ее тело выгнулось дугой, и с громким криком она впервые в жизни потеряла сознание.

Тим даже испугался. Он не «щелкал», ничего специально не придумывал, он просто любил ее. А она, вернувшись секунд через десять из сладкого небытия, долго не могла опомниться. Но когда они немного успокоились, то решили сделать вид, что ничего еще и не было, и попробовать снова. И они попробовали снова, и это получилось совсем безум-

но, совершенно невозможно, и когда она вновь расслабленно уронила руки, а ее голова безвольно откинулась вбок, Тим с глухим стоном вышел из нее, и тугая молочно-белая струя разбилась об ее упруго торчащий сосок.

Потом они долго удивлялись, отчего все у них получилось именно так. Почти никому с первого раза не удастся достичь полной гармонии тел. А многим это бывает недоступно и в сотый раз. Умные люди редко меняют партнеров, ведь только с тем, кто знает тебя наизусть, можно, двигаясь день ото дня туда, куда хочется, достичь настоящих высот. А новый партнер – это всегда недоверие, пусть даже на уровне бессознательного.

Потом они вместе радостно смеялись, когда Тим сказал, что это все ерунда и к ним не относится. Они с самого начала были удивительно близки – с того самого дня, когда Тим угрюмо, руки в карманы, топал по Кузнецкому и чуть не сбил с ног красивую девчонку, за которой двое кавалеров волокли планшеты с эскизами.

А теперь он пытался рассказать ей о своих страхах.

* * *

Тим вставил кассету и опустил палец на кнопку. Подумал, убрал руку, встал и подошел к холодильнику. Потоптался немного перед соблазнительной дверцей, за которой, он точно помнил, спряталась бутылка. И вернулся в кресло. Заку-

рил и включил магнитофон.

Голос человека был нервный, срывающийся – интервьюируемый сильно волновался. Не так, как волнуются «чайники» перед микрофоном, нет. Этот деятель трясся, потому что принял серьезное решение, но страх перед этим решением до конца преодолеть не смог.

Он мямлил, терялся, подбирал слова. Но говорил. Тим курил, слушал и все больше убеждался, что история правдоподобна. Этот Лебедев из Новосибирска был классическим образцом неудачника и мечтателя. Нормальный рядовой дурачок. Бесталанный, глуповатый, но, кажется, порядочный, хороший человек. С глубоко подавленным комплексом супермена. Работал кем-то вроде массовика-затейника и всю жизнь мечтал послужить Родине и спасти человечество.

Когда беднягу вызвали в КГБ и сказали, что давно за ним наблюдают и решили дать ему настоящее дело, он прыгать готов был от восторга. «Не согласны ли вы, товарищ Лебедев, поработать в дипломатической службе за рубежом? Не согласитесь ли вы сначала пройти обучение здесь, в Новосибирске?...» Еще бы он не был согласен! И тут началось что-то непонятное. «Да, интересная история, – подумал Тим. – Это будет покруче всего, что я слышал до сих пор. Потому что остальные зомби использовались как расходный материал, подопытные крысы. А этот...»

«Сначала я был очень удивлен, – говорил Лебедев. – Например, сидим мы с Марченко, и вдруг у меня в голове раз-

дается его голос: «Возьми со стола карандаш, дай мне». Губы при этом не шевелятся. Это не был гипноз, это была самая настоящая телепатия. Как мне потом объяснили, КГБ глубоко изучил возможности человека, знакомые нам только по статьям об экстрасенсах. Разработанные КГБ технологии позволяют наделить такими способностями кого угодно.

Марченко уверял меня, что в перспективе я буду обучен работе с аппаратурой, которая даст мне огромные возможности. Меня уверяли, что мои индивидуальные качества подходят для такой работы и я должен послужить Родине в нынешние трудные времена...»

Сначала он был напуган. Но ему объяснили, что контрразведка дело сложное и здесь не обойтись без таких вещей, как «внеречевая связь». Эти методы сверхсекретны и применяются всего лишь несколько лет, они еще в стадии доработки. Давайте, товарищ Лебедев, помогите нам их совершенствовать. Новоявленный сексот дал подписку. И только через три года узнал, что в тот момент, когда он ставил подпись, такую же бумажку о неразглашении государственной тайны подписывала его жена.

«Но получилось так, – запинаясь, бормотал Лебедев, – что они приспособили меня для выполнения совершенно другой работы. И я долго не понимал, зачем я это делаю и вообще, что со мной происходит. Они сумели коренным образом изменить мою психику. Управляли мной, как машиной, и противостоять этому я не мог, моя воля была сломлена. Я при-

надлежал себе только во сне.

В шесть утра меня будили. Я слышал: «Вставай, быстро, умывайся, не задерживайся, собери бумаги...» Они командовали, что мне надеть, какой взять портфель, как сегодня выглядеть... Особенно я пугался, когда приказ шел не в виде голосовой команды. Иногда я просто ощущал, что должен сделать то-то и то-то. И быстро. Я спрашивал Марченко, что со мной происходит, но он говорил: «Не волнуйся, это новый метод работы с агентами, мы и тебя обучим, и ты сможешь управлять не только отдельным человеком, но и коллективами». Постепенно я вроде бы привык.

КГБ, по моим представлениям, был организацией чуть ли не святой. И я слепо им подчинялся. Иду по городу, слышу голос: «Стой! Достань записную книжку! Запиши телефон...» И я уже не думал о голосах в моей голове, меня волновали только люди, которым я позвоню, войду к ним в доверие и буду затем вести наблюдение. А люди под моим надзором были разные. Главное – лидеры демократических организаций. Уже через год работы я знал в лицо не менее пяти сот человек.

Понятия не имею, как такой объем информации уместился у меня в памяти. Я работал не меньше двадцати часов в сутки и не уставал. Только в девять утра мне приходилось отмечаться в Доме культуры, куда меня устроили «органы». Все остальное время я проводил с людьми, интересовавшими КГБ...»

Тим не удержался, остановил ленту и пошел к холодильнику. Поразмыслив, достал не водку, а пиво. «Значит, голова? И немотивированные желания. Ну, положим, управлять моими желаниями никто пока не пробует. Или пробует, но не может. Да, очень складно все у тебя получается, товарищ Лебедев. Чертовски детализированная бредовая концепция. Хотя я точно знаю, что ты, Лебедев, не псих. Потому что если и ты больной, то кто же тогда я?!»

Тим снова нажал клавишу. Он отметил, что Лебедев начал выходить из-под контроля раньше, чем Эфа, – уже на второй год. Но Эфа существовала в замкнутом мире. А в повседневной жизни Лебедева было множество внешних раздражителей, факторов, позволяющих сохранить с реальностью связь и критически оценивать происходящее.

Он начал ломаться, когда ему усложнили задачу. Сначала пришлось воровать документы. Потом организовывать мелкие провокации. Агент становился опытнее. Но одновременно все ближе знакомился с теми, за кем следил. И когда его подключили к новому, более значительному проекту, начал сомневаться в том, что дело «хозяев» – правое.

«Они разрабатывали в то время систему устранения неугодных им людей через постепенное разрушение организма. Конкретно в Новосибирске они планировали убрать лидера ДС Сорокина, за ним должна была наступить очередь Котова, Ольшанского и Колесникова. На сегодняшний день они вывели из строя Сорокина. Физически-то он еще

жив... – Тут Лебедев на секунду замялся. – Марченко говорил мне, что им легко на небольшой период, одну-две недели, создать человеку иллюзию психического расстройства. Человек сам обратится к психиатру, а остальное – дело врачей. Несколько инъекций – и ты станешь действительно болен... Их методы воздействия позволяют как мгновенно умертвить человека, так и постепенно разрушить его организм. Если вы пьете хоть чуть-чуть, вам могут внушить устойчивую тягу к алкоголю (Тим отвлекся и уставился на бутылку пива у себя в руке)... Но это делается редко. Чаще людей принуждают травить себя неумеренными дозами безобидных на первый взгляд лекарств, например, болеутоляющих препаратов. Мои «подопечные» быстро утомлялись, плохо себя чувствовали, буквально валялись с ног...»

Как Лебедев понял из объяснений «хозяев», они не нуждались в полном устранении неудобных. Достаточно было просто выбить человека из колеи, расшатать нервы, подорвать здоровье, сделать так, что он сам отойдет от активных действий. Больной – не боец. Место психа – в психушке.

Тим кивнул и принялся было размышлять. Но тут Лебедев понес такое, что Тим подскочил в кресле и весь обратился в слух.

«Саму аппаратуру я не видел. Но я не даром три года был вхож в систему КГБ. При мне обсуждались многие вопросы, и я многое впоследствии испытал на себе, когда решил порвать с этой страшной организацией. А они давали мне боль-

шие возможности, очень большие...

Иногда они раскрывали мою психику до такого состояния... Не знаю, как объяснить (Тим заскрипел зубами)... Я был сверхчеловеком. Гением. Пробуждались, как я понимаю, какие-то «спящие» участки мозга. Эйфория. Разве что не летал. Я этого не понимаю, мне трудно об этом говорить, но я слышал, что ведется постоянное «отслеживание» одаренных людей, чуть ли не с детства. И кому-то его талант, что называется, «глушат». А некоторым – своим – состояние «сверхчеловека» дают извне...»

Тим с размаху ударил ладонью по клавишам. Магнитофон замолк. И в наступившей тишине Тим услышал, что в комнате громко, отчетливо бьется сердце. Его сердце.

* * *

Он ласкал ее губами, а она кончиками пальцев гладила свои напрягшиеся соски, и их тела содрогались в едином ритме. Несмотря на всю свою раскованность, они долго и осторожно шли к самым тонким удовольствиям, стараясь не смутить, не сделать больно, не шокировать. Но теперь они уже знали друг друга до мелочей и могли при желании за считанные минуты достичь того, что в книгах называли «поистине неземным блаженством». Походя Тим раскрыл небольшую тайну – раньше он всегда удивлялся, почему авторы, даже самые раскованные, описывая сексуальные переживания,

ния героев, пользуются туманными и расплывчатыми формулировками. Все оказалось просто – если ты сам никогда не испытывал настоящей радости в постели, у тебя не найдется подходящих слов. А если испытывал – тем более никаких слов не хватит...

Сначала Тим ничего не услышал. Он наслаждался Ольгой, он пил сочащийся из нее сок, и голова его кружилась от неведомой ранее возможности совершенно ни о чем не думать. Его разум был весь поглощен ощущениями, чувственным восприятием происходящего. Кристальная ясность сознания и посреди – восторженная, абсолютная пустота.

Видимо, этой-то пустоты голос и ждал.

– Так он, оказывается, п...лиз! – радостно заявил голос.

– Может, он еще и х...сос? – предположил другой. Женский.

Язык Тима остановил свой бег, а руки, нежно оглаживавшие бедра любимой, задрожали.

Ольга качалась на мягких волнах. Каждая следующая подбрасывала ее все выше и выше, в самое небо, и это было неопишимо. Она пыталась немножко придерживать взлеты, чтобы продлить удовольствие, почувствовать его глубже и ярче, но сил терпеть не было, и очередная волна грозила захлестнуть ее с головой. Тело девушки изогнулось, и в сладком мурлыкающем стоне зазвенел приближающийся крик, но... Волна ослабла и плавно опустила ее на землю. Окажись с ней другой мужчина, она бы обиделась. Но с другим муж-

чиной ничего подобного не было и не могло быть. Оказывается, когда приходит любовь, ты уже не можешь быть эгоистом в сексе. «Какая интересная мысль. Да, я уже могу о чем-то думать. Жалко, что не вышло... Но не каждый же раз должно быть так хорошо, верно, подруга?» Тяжело дыша, она попыталась открыть глаза. Уффф...

Тим, скручиваясь в комок, медленно боком сползал на пол. Когда его тело глухо ударилось о ковер, Ольга от неожиданности вскрикнула и села на кровати. И прижала руки к лицу. Потому что ее мужчина лежал на полу, скрючившись в позе эмбриона, и не шевелился.

Она била его по щекам, целовала, обнимала, прижимала к груди его безвольно мотающуюся голову. Потом догадалась принести воды и побрызгать ему в лицо. Тогда он открыл глаза, и от его взгляда Ольга задохнулась. Огромные, с невероятно расширенными зрачками, глаза Тима были совершенно пусты. Она снова прижала его голову к груди, чтобы только не видеть этих глаз, и, борясь с желанием закричать во весь голос, принялась раскачиваться из стороны в сторону, что-то монотонно напевая, убаюкивая его, потому что ничего лучше придумать не могла.

И через несколько минут сквозь ватную тишину услышала его шепот:

– Я люблю тебя...

В постели Тим был очень легкий – во время любви, даже когда он давил ее всем своим весом, она этого просто не

чувствовала. Но на самом деле он весил не так уж мало, и затащить его обратно на кровать оказалось совсем не просто. На полпути Тим вдруг уперся и сказал: «Нет, не надо». Она отпустила его, и он, согнувшись в три погибели, держась за стену, пополз из спальни.

– Ты в ванную хочешь? – спросила она, подхватывая его. – Пойдем, милый, держись за меня.

Тим что-то утвердительно хмыкнул. Он на глазах распрямлялся и через порог ванной шагнул уже довольно уверенно. Пошарив рукой, открыл кран и стал плескать в лицо холодную воду. Ольга бросила на себя короткий взгляд в зеркало и тут же отвернулась.

Тим сделал из-под крана несколько жадных глотков, выпрямился, мазнул по лицу полотенцем и обернулся к девушке. Глаза у него были уже совсем нормальные, только левое веко нервно дергалось.

– Шок, – сказал он хрипло. – Ты чудо, спасибо тебе. Я тебя люблю.

И тогда Ольга бросилась ему на грудь и с наслаждением разрыдалась так, что уже Тиму пришлось ее убаюкивать.

– Ты мне когда-нибудь потом расскажешь? – осторожно спросила она через полчаса, когда они сидели на кухне.

– Нет, – отрезал Тим и в который раз жадно присосался к стакану с мартини. До этого он залпом проглотил несколько рюмок водки, а потом уже со словами «Ну и пусть голова болит» принялся смешивать коктейли.

Тим поставил опустевший стакан на стол, отдышался и сказал:

– Ну, может быть, много лет спустя.

Глаза у него слегка остекленели, но это Ольге было знакомо. Тим много пил в последнее время. Сказать ему напрямую, что такое безостановочное пьянство ее пугает, Ольга не решалась. Было в этом человеке нечто, что отбивало всякую охоту на него давить. Он был мягок и ласков, дружелюбен и спокоен, но под этой внешней оболочкой Ольга уже не раз нащупывала в разговорах и делах нестигаемый стержень. Тим был доверчив к людям, но не позволял им собой управлять. Это она уже поняла.

– А ты веришь в то, что у нас много лет впереди? – вдруг спросил Тим, хитро прищурившись.

– Не знаю, – честно ответила она, слегка опуская глаза.

– А хочется?

Ольга молча кивнула.

– Значит, будет, – сказал Тим. – Все будет хорошо, я тебе обещаю.

– Ты же не знаешь... – вырвалось у нее. Если бы она успела, то зажала бы себе рот. Но это вырвалось.

– Ну почему же? Знаю. Хочу, чтобы ты поняла: в этой жизни все всегда бывает так, как я хочу. Всегда все будет по-моему. Пусть не сразу, постепенно, но все получится. А когда получается по-моему, это значит – лучшим образом для нас обоих. Потому что во всех моих планах на будущее есть ме-

сто для тебя. И только для тебя. Я действительно тебя люблю. И я постараюсь, – на этом слове он сделал ударение, – чтобы все было так, как нужно нам.

Она протянула руку через стол и погладила его пальцы. И опять сморозила глупость:

– Это были ОНИ?

Тим прикрыл глаза и чмокнул губами.

– Забудь ты мою трепотню, – сказал он ласково.

И Ольга почувствовала, что у нее дрожат колени.

* * *

Мягкими короткими шажками Тим двигался по комнате. Он работал сейчас на самом глубоком уровне пси, и окружающий мир был настолько сложен, что Тиму время от времени становилось просто неприятно. «Никогда я все это до конца не пойму. Никогда я в одиночку всего не разгадаю. Как все эти излучения взаимодействуют, как уживаются друг с другом, такие разные, такие непохожие? И все-таки их природа едина. Ладно. Вот еще черное пятно. Это с меня ночью сыпался шлак. Сможем мы это пятно стереть? А сможем, сможем... Вот так, получается. Отлично. Дальше».

Тим осторожно прошел сквозь линию глобального поля Хартмана – голубые стенки толщиной сантиметров в двадцать разбили комнату на прямоугольники сумасшедшей трехмерной шахматной доски. В углу – слава богу, что в уг-

лу, — ярко светилось одно из пересечений. «Где-то в земле прямо под этой крестовиной лежит центральная зона водоносной жилы. Говорят, достаточно пару лет поспать в таком уголке, чтобы схлопотать рак. А вот и диагональная сеть Карри... Она с большой ячеей и задевает мою спальню только в двух местах. А сеть Виттмана, ромбическая, вообще такая здоровенная, что мы с ней только один раз встречаемся. Ну и ладушки. Н-да. Ничего интересного у нас в спальне нет».

Тим медленно вернулся в «человеческое» состояние и пошел на кухню. Открыв холодильник, достал початую бутылку пива, уселся, закурил, отхлебнул из горлышка и с недоверием покосился на два рулона алюминиевой фольги, лежащие на столе. «Вот уж не думал, что до этого дойдет. Но если эти гады и в следующий раз сунутся ко мне в такой момент...»

Тим закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла. Ему вдруг захотелось снова «щелкнуть». Нырять в призрачный мир экстрасенсорного восприятия, он чувствовал себя гораздо увереннее, чем на банальной, холодной, неудобной, жестокой Земле. И шарик, и бублик, и грушу, и даже голубую молнию он мог запросто размазать по стене. А что делать, если против тебя — люди? «Драться? Не умею и не люблю. Сколько раз получал по морде и сдачи давал — каждый раз прикосновение к другому человеку было для меня словно удар током. И безумное чувство стыда от того, что я причи-

нил вред человеческому существу. Ненавижу. Хотя, судя по всему, дело в физическом контакте. Не исключено, что я за- просто смогу продырявить врага из огнестрельного оружия и даже ухом не поведу. Только вот стрелять мне не из чего. И это, наверное, хорошо».

Тим допил пиво и сунул бутылку под стол. «Сволочи! Вот скоты! – Он покачал головой. – Нашли-таки они мою «кнопку». Уинстон Смит боялся крыс – и возлюбил Большого Брата. А мой отец боится тараканов. До судорог. А я боюсь змей. Хотя если придется... Справлюсь, наверное. Я со всем могу справиться. Но сейчас они меня взяли за самое больное место.

Сколько уже было этих раз, днями и ночами, в постели и не в самых подходящих местах, когда я думал, что я урод? Не так чтоб очень много, но и не мало. Все-таки мне уже двадцать два. Но только месяц назад оказалось, что проклятый компьютер в моей голове можно-таки ненадолго выключить. До чего же было всегда обидно – задыхаясь и потея, слушать, как стонет и рычит от восторга твоя девушка, и о чем-то в это время напряженно размышлять... А может, я просто им всем не доверял? Не знаю. Оля... Милая. Бесконечно милая. Умница, красавица, такая женственная и одновременно сильная... Да, Тим, старина, это любовь. И настигла она тебя в самый неподходящий момент».

Тим рывком поднялся, взял фольгу и отправился в спальню. Там он небрежно смахнул с кровати белье, спихнул на

пол матрас и принялся раскатывать фольгу по пружинной сетке дивана. Он работал очень аккуратно, надежно фиксируя блестящие полосы скотчем, и не успокоился, пока экран не стал на вид совершенно непробиваемым. Тогда Тим «щелкнул». Некоторое время он стоял, рассматривая экран сверху – гладкое иссиня-черное поле. А потом вспомнил, как это было десять лет назад, и ударил по экрану изо всех сил. Отдача сбила его с ног. Тим отлетел к стене, больно ударился затылком, съехал на пол и, схватившись за ушибленное место, принялся злорадно хохотать. А потом встал, заново соорудил постель, даже попрыгал на ней – не шуршит ли – и отправился на кухню, где дожидалось пиво.

* * *

– Здравствуй, Тима, – сказал Гульнов и машинально почесал намечающуюся бородку.

Тим пожал ему руку и плюхнулся в кресло.

– В жизни каждого мужчины наступает момент, – сообщил он, – когда ему хочется отпустить бороду. Понимаю и сочувствую.

Гульнов улыбнулся и принялся копаться в грудe бумаги, полностью скрывавшей его рабочий стол.

Тим улыбнулся в ответ. Ему нравилось смотреть на Гульнова – человека подкупающе мягкого в интонациях, манерах и движениях. Эта мягкость не была кажущейся – когда Тим

«щелкал», то видел Гульнова светлым и пушистым. Гульнов создавал вокруг себя уют. Тим очень любил по поводу и без повода заглядывать к нему в отдел науки и просто сидеть, хотя бы просто сидеть в уголке.

– А мне нельзя с бородой, – вздохнул Тим. – К сожалению, я знаю, какое это будет душераздирающее зрелище. Меня однажды забросили в черниговские леса на командно-штабные учения. И я там суток десять не брился. Когда потом добрался до зеркала, чуть зайкой не стал на всю жизнь.

Гульнов хмыкнул. Он что-то зацепил в своей куче и теперь осторожно, чтобы не рассыпать остальное, тянул на себя.

– Смотри, – сказал он, протягивая Тиму макет газетной полосы.

Тим жадно схватил макет, посмотрел и тут же переменялся в лице.

– Это же сегодняшний номер, – процедил он сквозь зубы.

– Сняли, – Гульнов печально кивнул. – Видишь, три абзаца отчеркнуто.

Тим пригляделся. Третью забракованной полосы, которую раз в две недели выпускал отдел науки, занимал репортаж из лаборатории Понынина. И репортаж был весь исчеркан синей ручкой.

– Что ж мне Заяц не сказал... – пробормотал Тим. – Я и не знал.

– Порадовать тебя хотели. Вот, сами радуемся теперь. Ты

читай, читай. Скажешь потом, что думаешь по этому поводу.

Для начала Тим охватил взглядом материал целиком, прыгая через строки. Репортаж был хорош. Полынинскую теорию строения биополя Зайцев расписал простым, доступным языком, комментарии к фотографиям оказались такими, какие сделал бы сам Тим. Тон репортажа был легкий, ненавязчивый, но и без оговорок типа «может быть» и «похоже на правду». Интонация была скорее «хотите – верьте, хотите – нет, а вот мы это видели».

– Классно, – сказал Тим. Углубился в зачеркнутые абзацы и отдельно помеченные места. До боли стиснул челюсти.

И из интервью с Полыниным, и из комментариев Зайцева было с мясом, по живому, вырвано все то, что Тим так хотел рассказать людям. На первый взгляд в забракованных фразах не было ничего криминального. Там просто говорилось, что при современном уровне развития науки полынинские технологии легко воспроизводимы и не представляют собой ничего сверхъестественного. И превращение их в технологии боевые тоже возможно. Заяц деликатно расспрашивал Полынина о том, какие негативные воздействия может испытать человек, попавший под излучение микроволнового генератора. А Полынин в ответ мямлил и юлил. С помощью знаков препинания хитрый Зайцев ловко воспроизвел все паузы и закатывания глаз к потолку. Даже самый тупой читатель увидел бы, что Полынин, мягко говоря, зажимает информацию. Это была хорошая работа.

– Зайчик умница, – сказал Тим, разглаживая макет на коленях.

Гульнов кивнул.

– И кто эту полосу зарезал? – спросил Тим, стараясь не злиться. Ему очень не хотелось думать, что Гульнов все-таки слабак и не смог отстоять материал. Еще ему очень не хотелось даже предполагать, что Гульнов в информацию о психотронном оружии не поверил. Это означало, что он не верит самому Тиму. «А кто же тогда мне вообще способен поверить, мать-перемать?!»

– Главный ее зарезал, – вздохнул Гульнов. И Тиму полегчало. С главным редактором Гульнов справиться не мог по определению.

– Вот уж не думал, что он посмотрит эту полосу...

– А он и не смотрел. Пока ему не позвонили.

– Е-мое... – пробормотал Тим.

– Цензура позвонила, – уточнил Гульнов. – Цензура, которой якобы больше нет.

– Но ее же действительно больше нет...

– Как ни странно, главный тоже так думал. Если бы он думал иначе, он бы мне не рассказал о том, что случилось. Верно?

– Вот уж не знал, что у нас главный – хороший человек.

– Ну, может быть, не очень хороший, но довольно порядочный. Так вот, он сказал, что ему позвонили и мягко сообщили: хотите садиться, ребята, – печатайте этот материал.

А не хотите – давайте выкидывайте все, что касается создания оружия.

– Черт возьми... – протянул Тим. – Там ведь всего-навсего боевые аспекты применения СВЧ... Представляю, какой поднялся бы хай, пропихни ты мою статью об Эфе.

Гульнов снова кивнул. Он глядел на Тима виновато и очень мягко.

– Понимаешь, они очень грамотно высказались. Мол, мы вам, ребята, запретить ничего не можем. Но если хотите садиться... Н-да.

Тим тряхнул головой и бросил макет на стол.

– Что ж, – сказал он жестко. – Теперь у нас есть четкое доказательство того, что это правда. Во всяком случае, мне хватает.

Гульнов поморщился. Он очень не любил категоричных высказываний.

– Будешь работать с нами? – спросил он.

– А вы будете копать дальше? – прищурился Тим. В душе у него все кипело. Он был чертовски разочарован тем, что сделанный по его наводке материал сняли. Кроме того, ему было немного стыдно, что из-за этого у Гульнова «слетела» полоса.

И в то же время Тим получил главное. Ему поверили. Проклятая цензура сделала так, что именно те люди, которых он уважал и которые раньше сомневались в его словах, теперь поверили ему.

– Заяц будет копать, – сказал Гульнов. – Он для начала пойдет по ученым. Нам нужны авторитетные люди, на которых цензура руку не поднимет. Пусть там будут только намеки. Или, наоборот, пусть они скажут, что такого не может быть. А это, – он прихлопнул ладонью «зарезанный» макет, – поработает для затравки. Будет почта обязательно. Будут отклики. Что-нибудь да всплывет. У нас народ приучен читать между строк.

– Знаешь, Володя, – пробормотал Тим задумчиво. – Да я вам, наверное, и не очень нужен... То есть я могу встать на подхвате. Но у меня и опыта гораздо меньше, чем у вас обоих, да и тема, честно говоря, не моя. Ты же знаешь, я «социальщик» ярко выраженный. О взаимоотношениях людей я умею писать. А психотронное оружие...

– Подумай, – сказал Гульнов, пожимая плечами. Особо разочарованным он не выглядел. Тим его понимал – своим предложением Гульнов в первую очередь хотел показать, что недоверия больше нет.

– И когда теперь? – спросил Тим, подбородком указывая на макет.

– На следующей неделе. Хочешь этот взять себе?

– Зачем? – усмехнулся Тим. – Один экземпляр – это не тот тираж, которым стоит гордиться.

– Все хорошее, что написали люди, тоже когда-то было в одном экземпляре, – заметил Гульнов.

– Ты же знаешь, что общего между человеком и мухой, –

сказал Тим, вставая. – Их обоих можно прихлопнуть газетой. Вот поэтому я и хочу работать в газете. Чтобы гадов – мочить. Спасибо, Володя, – он протянул Гульнову руку, и тот вяло ее пожал.

В коридоре на Тима налетел Смолянинов и чуть не сбил его с ног.

– Ха! – заорал он. – Господин Костенко! Примите мои соболезнования!

– Да ну... – смутился Тим. – Ты лучше Зайчика пожалей. Сколько он корячился, и все впустую.

– Впустую ничего не бывает, – внушительно заявил Смолянинов. – Слушай, это все действительно так серьезно?

– Это очень серьезно.

– Н-да... Слушай, Тим! Между прочим, я сегодня буду стронций вымывать из организма. И Заяц будет, и Володька. Заходи.

– Спасибо, не получится, – улыбнулся Тим. – Так приходите вдвоем, – заговорщически предложил Смолянинов ему на ухо. – Блондинка? Брюнетка? Рыжая?

– Платиновая, – гордо объявил Тим, чувствуя, что краснеет. Смолянинов это, конечно, разглядел.

– Любовь! – заключил он. – Завидую!

– Да ладно... – окончательно смутился Тим. – Ну, спасибо за приглашение, я побежал.

– Берегите себя, – повторил Смолянинов и рванул дальше по коридору. Тим задумчиво смотрел ему вслед. Смоляни-

нова в редакции считали человеком бесшабашно храбрым, но вот за психотронное оружие он бы никогда не взялся. Потому что был чертовски умен, циничен и умел в любой ситуации делать главное для журналиста – выживать на линии огня, на переднем крае. А когда в тебя летит не пуля, а невидимая голубая молния, пригнуться ты не успеешь.

Тим сунул руки глубоко в карманы и зашагал к лифтам. На ходу он вспоминал, какой должен быть диаметр у медной проволоки для петли Лаковского. Эта «петля» – кольцо с длиной окружности в метр – тоже считалась у биоэнергетиков отменным экраном, даже лучше фольги.

* * *

Он, кажется, на минуту вздремнул. Обнаружил во сне хорошо знакомый узкий коридор с плохим освещением. Почувствовал тяжесть проклятого топора в руках. Догадался, что за углом прячется смерть в облике вервольфа. И проснулся от страха. Попытался открыть глаза, чуть-чуть приподнял веки и увидел зеленый туман.

Тим лежал на боку, на диванчике в кабинете, и не мог пошевелиться. Тело отказывалось слушаться, оно было парализовано. А в воздухе повис тонкий неплотный зеленый туман, и в этом тумане, где-то у двери, за краем угла зрения, притаился ужас.

Рот наполнился слюной. По телу пробежала волна непри-

ятной вибрации, еще раз, еще раз, с каждым разом сильнее. Как будто диван под ним мелко-мелко затрясся. Из-под полуприкрытых век Тим видел подсвеченный бьющим из окна закатным солнцем туман, но ни повернуть голову, ни даже просто шевельнуть глазами не мог. И «щелкнуть» тоже не мог. Это было совершенно невозможно.

Вибрация усилилась. Теперь дрожь охватила все тело и была немилосердно, мелко, но очень сильно. Слюна потекла с губы, и сглотнуть не было сил. А там, в тумане, прятался ужас. Прятался, выжидая удобного момента, чтобы наброситься. Страх в чистом виде. И если ты найдешь в себе силы, двинешь глазами и посмотришь на него... Тогда он прыгнет на тебя и поглотит целиком.

Навсегда.

Тим почувствовал, что теряет контроль над собой. Ему безумно хотелось закричать – нет, не в голос, потому что голосовые связки тоже не слушались. Но сейчас он не выдержит, и яростный вопль животного ужаса заполнит мозг. И за этим воплем придет освобождение. Никаких больше страхов. Никаких больше проблем. Придет спасительное безумие.

Тим сконцентрировал внимание на глазах. Он так напрягся, что ему на мгновение полегчало. И смог чуть-чуть, самую малость, сдвинуть зрачки. Только не в сторону ужаса в тумане, нет! От него. Тим увидел свою руку. Ее должна была бить крупная дрожь, сотрясавшая все тело. Но рука лежала

совершенно неподвижно. И Тим вспомнил.

Семья, живущая в подмосковных Химках, сорокалетние мать и отец, двое детей, возраст – десять и восемь, бабушка, возраст не установлен. В течение последних трех лет жалуются на похожие симптомы. Их начинает трясти под вечер. Правда, не до паралича. Спасаются они под покрывалами из алюминиевой фольги, иначе не могут заснуть. Обращались во все возможные инстанции, но везде только смеются.

Бывший сотрудник КГБ, который показывал результаты замеров СВЧ-фона в своей квартире. Его семью жарили микроволновым лучом, как котлету на сковородке. Уволился из органов «по политике», тут же был подвергнут насильственно психиатрическому освидетельствованию. Признан нормальным. Однажды ночью проснулся от страшного жжения в позвоночнике – и началось. Один из симптомов – вибрация во всем теле.

И группа «охотников за летающими тарелками», карабкавшаяся на Гиссарский хребет якобы к месту посадки НЛО. Три человека ночью проснулись от бешеной вибрации. Яркое свечение в воздухе, различимое сквозь брезентовую стенку палатки. Абсолютный паралич воли на несколько минут.

Только вот чего «уфологи» точно не чувствовали – так это страха. Потому что внутренне они были готовы к встрече с Неведомым.

«А я что – не готов?»

С этой мыслью Тим собрался в комок. Он весь сжался в крошечный шарик, сгусток энергии. «Там, в углу, стоит и смотрит на меня что-то невообразимо страшное. Как его победить? Только став еще более страшным, чем оно само».

И вместо того, чтобы внутри себя заорать от ужаса, Тим злобно рыкнул. Дал ненависти заполнить сознание до отказа. Резко, прыжком, развернулся из «шарика» до размеров собственного тела. И легко повернул оскаленное лицо навстречу врагу.

Ххххаааа!!!

В комнате не было ничего и никого – ни тумана, ни ужаса, ни даже пыли в солнечном луче. Ни малейшего напоминания о том, что случилось. Только сведенные до боли мышцы и утробный рык откуда-то из самой груди.

Тим закатил глаза, покачнулся на краю дивана и с деревянным стуком повалился на пол.

* * *

– Смотри! – сказал Тим. – Документ, однако.

Ольга взяла у него бледную ксерокопию и принялась читать. Тим достал из холодильника очередную ванночку со льдом.

«Независимые эксперты, – было написано на бланке с логотипом какого-то «Комитета охраны жилищ», – расследовали факты проведения КГБ СССР преступных опытов по

воздействию сверхвысоких частот (СВЧ) на поведенческие функции человека (создание биороботов).

В результате установлено следующее:

1. Опыты на людях начали проводиться в СССР с 1977 г. и к настоящему моменту приняли достаточно широкий размах.

2. Облучение СВЧ, особенно длительное, приводит к разрушению здоровья человека и подавляет его волю (превращает в биоробота).

3. При соответствующей комбинации частоты, фокусировки и мощности излучения возможно различное воздействие на деятельность сердца и даже его остановка. В связи с этим требует дополнительного расследования причина смерти А. Д. Сахарова.

4. Обращение подопытных в различные инстанции приводило не к прекращению облучения, а к помещению их в психиатрическую лечебницу, где им ставился диагноз «шизофрения» и «НП» – нецелесообразность переписки».

5. Жалобы и болевые ощущения пострадавших совпадают с результатами научных исследований о воздействии электромагнитных излучений на организм человека...»

Ольга не стала заглядывать дальше, в перечисление имен и научных степеней «независимых экспертов». Положила документ на стол и вздохнула.

– Бред, да? – спросил Тим, протягивая ей стакан.

– Спасибо, – кивнула она. Очень холодная водка пополам

с грейпфрутовым соком и несколько кубиков льда. Отличный напиток. Тим замечательно умеет делать такие вещи. Крепкие и совсем без водочного привкуса. – Почему бред? Только вот зачем они Сахарова приплели?..

– Это и есть самый важный аргумент «против»! – Тим сел рядом и обнял Ольгу за плечи. Он мягко потерся носом о ее щеку, и она испытала острый, почти болезненный прилив нежности. – Понимаешь, здесь получается такая смешная петля. Если бы не Сахаров, документ читался бы неплохо. Но те, кто его писал, убеждены, что академика убил КГБ. И если сказать им, что без ссылки на Сахарова документ будет правдоподобен... Вот тут ты увидишь, насколько все эти люди больны.

Ольга повернулась к Тиму, заглянула в его усталые глаза, а потом их поцеловала, сначала левый, потом правый.

– Бедный мой, – сказала она.

– Точно, – кивнул Тим. – Бедный я. Потому что я же говорю – петля. Допустим, банда сумасшедших распространяет шизофренические документы. Ерунда, не впервой. Но вот три года назад, когда в Москве объявился первый такой псих, он вошел в контакт с двумя известными журналистами. Передал им свои мемуары. И оба журналиста очень скоро умерли. Мужик, Бандуров его фамилия – клевая, правда? – с перепугу лег на дно. Но он же действительно псих. Страшно двинутый на сексуальной почве. Там половина мемуаров посвящена тому, как эти гады вторгались в его сексуальную

сферу. Очень натуралистическое описание...

Ольга что-то себе представила и улыбнулась. Тим улыбнулся в ответ. Он не боялся рассказывать ей такие вещи. Того, что случилось с Тимом в постели месяц назад, она не помнила. Тогда, отдышавшись и придя в себя, Тим увидел, как она испугана, и впервые в жизни решился на вмешательство, которое мог бы назвать «экстрасенсорным гипнозом». Он только хотел стереть ее страх – но вместе со страхом исчезла и память о том, что его вызвало. А Тим дал себе зарок такого больше не делать ни с кем и никогда.

– Так вот, – продолжил он. – Психопат не может все время быть нормальным, ему нужно иногда активизироваться. И в следующий активный период мужик отнес свои записки не кому-нибудь, а академику Сахарову лично в руки. Вот такие дела. Говорят, переживает теперь страшно. Слушай, зачем я тебе это рассказываю, а?

– Потому что я тебе верю, – сказала Ольга. И поцеловала его в губы, нежно-нежно. Тогда Тим поставил стакан на стол и обнял ее уже двумя руками.

На кровати она перевернула его на спину, уселась сверху, вобрала в себя, и Тим провалился в блаженное забытие, которое так недавно стало ему доступным. Он не думал ни о чем, весь отдался своим ощущениям и поразился тому, как остро чувствует эмоции своей любимой. На секунду ему показалось, что он непроизвольно «щелкнул», но это было не так. Он просто воспринимал ее чувства, как будто два чело-

века стали одним. Закрыв глаза, он нырнул в содрогающуюся темноту, и тут сквозь нее пробились голоса.

Стонала женщина. Стонала, задыхаясь от наслаждения. Похотливо хрюкал и бормотал что-то неразборчиво матерное тонкий и визгливый мужской голосок. И сквозь этот фон пробился третий голос, давно знакомый – сильный, мужественный, главный, басовитый.

– Смотри! – сказал он Тиму весело. – А ее-то уже трое е...!

– В жопу, в жопу хочу! – провыла женщина. – Ааааа!!!

Тим не крикнул, не дернулся, не задрожал, даже не потерял эрекцию. Подсознательно он был готов к вторжению в свой разум, как те «уфологи» на Гиссарском хребте к визиту летающих огней и трясучке во всем теле. Тим просто чертовски расстроился. Потому что уже вычислил, что теперь делать и какие это будет иметь для него последствия.

Он «щелкнул». И понял, отчего не работает экран под матрасом. Комната была залита голубоватым свечением, которое заполняло ее всю и текло под небольшим углом сверху. Как срывается с плоскогорья водопад. Холодный, злой оттенок голубого. Раньше Тим такого не видел. Он «щелкнул» до упора, но локализовать генератор излучения не смог. Похоже, сигнал шел очень издалека и через систему ретрансляторов. Но ближайший Тим, кажется, засек.

Ольга, тяжело дыша, ритмично двигалась, изгибаясь всем телом. Она еще не почувствовала, что Тим отключился. С

начала вторжения прошло всего лишь секунды три-четыре.

Женщина в мозгу Тима выла и ругалась матом, требуя, чтобы он перестал кобениться и вдул ей в жопу как следует. Визгливый по-прежнему хрюкал и бормотал. Тим задвинул обоих в угол сознания и настроился на главного. Он четко сформулировал мысль и, произнося неслышные слова, почувствовал, как движется язык и напрягаются голосовые связки.

– Ты оператор? – спросил он.

– Я оператор, – эхом отозвался бас. Он уже не веселился, скорее в голосе прозвучали недоумение и легкий испуг.

– Я тебя поймаю, – пообещал Тим. – И оторву тебе... – он подумал, – ... голову. Прощай. Ты мертвец.

Оператор что-то проямлил в ответ, но Тим уже поставил блок. Секунда, две – голоса смолкли. Тим «щелкнул» и увидел, как голубой свет всасывается обратно в потолок.

Движения Ольги стали замедляться, она почувствовала, что что-то не так. Тим мягко, ласково остановил ее. Их тела разомкнулись, Тим осторожно подтолкнул девушку, чтобы она легла на спину. «Все, прошло мое недолгое счастье. Я уже просто не смогу в достаточной степени расслабиться для того, чтобы кончить ей в губы, или когда она на мне, или в любом другом нестандартном варианте. Я теперь всегда буду слишком напряжен».

Тим вошел в нее. «Да, только эта позиция, которая намертво отпечатана у меня в мозжечке с самого первого раза.

Именно в этой позе мне так привычно совмещать несовместимое – ласкать и думать. У меня остаются мои губы, мои руки, мое желание дать ей счастье. И я буду по-прежнему доводить ее до экстаза и делать с ней все, что она захочет. Но когда я захочу кончить, я всегда буду сверху. И голова моя будет думать – держать блокировку.

Потому что теперь не думать – это непозволительная роскошь для меня. Еще раз-другой они меня пробьют, и мне кранты. Стану либо импотентом, либо марионеткой. А так – ни два, ни полтора, но хотя бы моя милая получит немножко удовольствия. Я буду наслаждаться тем, что ей хорошо. Как-нибудь проживем. А там, глядишь, я достану этих гадов – и все вернется. Все вернется, правда, Оля? Я тебя люблю».

Тим двигался, и в слиянии губ гасли вздохи и стоны любви. В голове Тима играла музыка. Для начала он «поставил» «Dire Straits». У них было много вещей с подходящим ритмом.

* * *

Среди ночи Тим осторожно прикрыл дверь в квартиру, пробежал по лестнице шесть этажей вниз, зашел в соседний подъезд. Девять этажей вверх, тихонько, не спеша, прислушиваясь. А вот и решетка, закрывающая выход на чердак. Громадный замок. Ну, посмотрим.

Тим неглубоко «щелкнул» и осторожно пощупал сканиру-

ющим лучом пространство над головой. Людей нет. Тогда он «щелкнул» до упора и «принюхался» на пределе своих нынешних, совершенно фантастических возможностей. Беспомощный и незащищенный внешне, застывший, как статуя, с закрытыми глазами и искаженным от напряжения лицом, он «принюхался» к точке, где должен был стоять ретранслятор. Ничего там не оказалось.

Ничего, кроме светящегося остаточным излучением квадрата размером примерно метр на полтора, окруженного аккуратными террикончиками шлака. Что-то здесь было еще час назад. А теперь – не было.

Эту штуковину несли на руках, и она оставляла пятна. Тим вышел во двор и встал, «принюхиваясь», под мягко летящий с неба пушистый снег. Вот здесь была их машина. Судя по отпечаткам протектора... «Да, точно. Тот самый «ГАЗ-66» защитного цвета с надписью «Техпомощь» на борту. Ты же, тормоз несчастный, прошел мимо него, обалдевший от предвкушения любви, и не заметил ничего странного. Глянул, как на пустое место. А он стоял бесстыдно, не скрываясь. Обнаглели донельзя. Или они не понимают, что со мной сделали, насколько я стал чувствителен и до какого озверения они меня довели?!»

Падал снег, было тепло. Тим протянул ладонь, поймал несколько снежинок и прижал руку к горящему от злобы лицу. Все, тупик. «Они загнали меня в угол. Кажется, теперь я понимаю, отчего «поехал» на сексуальной почве Бандуров,

чем на самом деле была счастлива Эфа и почему начал вендетту безобидный Лебедев, дурак и «шестерка» по жизни».

Тим прошелся по двору, печатая следы в тонком снежном покрывале. «Есть области чувств, которые человек тщательно оберегает и трогать не позволяет никому. Что это? Инстинкт продолжения рода во всех его ипостасях. Вспомним наших зомби, вырвавшихся из-под власти «хозяев». Галина Самойлова из Воронежа, Валентина Танич из Москвы, Сергей Колесников из Киева. Единственное, что было ценного в их жизни, – дети. На это «хозяева» и нажали. Бешеный страх за детей в течение нескольких лет, пока зомби работал, делал зомби психопатом. И люди срывались с крючка, сходили с нарезки, становились свободны.

А вот Бандуров, одинокий и бездетный, не успел уйти из «большого секса». И однажды, когда положил свой прибор на пенек, замахнулся топором, да так и застыл... С этого момента он тоже малость тронулся рассудком. И стал для «хозяев» недоступен. Они его наказать хотели, а вышло – потеряли. Потому что сумасшедший не контролирует себя. А при психотронной атаке задействуется собственный центр контроля в мозге. Верно, Тим! Думай, мой хороший! Ты все поймешь.

Ты каждый раз «щелкал», встречаясь с беглым зомби. И ничего особенного не видел – легкая энергетическая аномалия мозга, характерная для психопатических личностей, и все. А вот у «активного» зомби, находящегося под контро-

лем, должна быть своеобразная «черная метка». Интересно, ты сумеешь ее разглядеть? Скорее всего. Так. А к чему ты все это, Тим? Ты словно на войну с ними собрался».

Тим поднял лицо к небу. «Может быть, – сказал он себе. – Допустим, блокировка, когда в голове все время бренчит музыка, оказалась весьма эффективной. Хорошо, я спас от вторжения свою сексуальную жизнь. Хотя разве это жизнь с таким блоком?.. Ну, неважно. Но как защищаться во время сна? Опять каждый вечер надираться до чертиков, чтобы отключать контроль? Либо я сопьюсь, либо еще раньше посажу себе печень и сдохну.

И в любом случае я быстро расшатаю нервную систему так, что не смогу работать как сенс. Я уже сейчас на пределе. У меня почти не осталось пациентов, я разогнал старых и не беру новых. Потому что еще неделя, и я начну их одной рукой лечить, а другой – подпитываться от них, воровать энергию. Просто включится инстинкт самосохранения. И я стану вампиром. А вампиром я быть точно не хочу».

Тим вздохнул и повернулся к подъезду. Там, дома, спит любимая. А в холодильнике стоит водка. И впереди – либо сумасшествие, либо... «Мне плохо. Меня прижали. Нужно выпить».

Усевшись на кухне, Тим долго глядел в полный до краев стакан. «Жилье оплачено на полгода вперед. А вот денег на еду и допинг осталось месяца на два. Успею я решить эту проблему за два месяца?»

– Ну, бляди! – прошипел он. – Достали вы меня!

Давясь, он затолкал в рот спиртное. Закурил. «Зачем я им? Может, эти гады решили посмотреть, как поведет себя под давлением экстрасенс? Непонятно. Значит, нужно выяснить главное – для чего меня «пробивают» и делают мне больно. Нужен контакт с «хозяевами». Мне нужно знать, кто они и чего от меня хотят. Если они решили сделать из меня лабораторную крысу – из самих чучела набыю. А если у них есть ко мне деловой разговор – что ж, поговорим...»

Тим налил себе еще. Все проблемы окружающего мира постепенно отходили на второй план. Куда-то делись сложности с родителями. Перестала волновать заброшенная учеба. Не трогали больше журналистские заморочки. И пропала любимая – действительно ли любимая? – женщина.

Остался только он, Тимофей Костенко, который никого не любит, кроме себя, и у которого все еще впереди.

Это было знакомое ощущение. И чертовски приятное.

– Из всех чучела набыю, – сказал Тим, сжимая кулак. Он поднялся, встал посреди кухни, «щелкнул». Отбросил глупый тошнотворный мир, придуманный людьми, весь сотканный из пошлости, подлости и похоти. Несколько секунд вживался в мир тонких излучений, такой реальный, такой честный и правильный. Легко поймал в кулак пролетавшую мимо голубую молнию. Совершенно не чувствуя боли, которую молния пыталась ему причинить, посмотрел, как она бьется, вырываясь. И одним коротким напряжением воли убил ее.

Поймал еще. И тоже убил. И убил еще. И еще. И еще. И за-
смеялся.

Когда Ольга проснулась на рассвете и бросилась его искать, Тим полулежал в кресле, стоящем посреди кухни. Он спал крепким сном, и на губах его играла незнакомая Ольге прежде холодная, злая улыбка.

Часть II

Экстрасенс

30 ноября 1990 года – 26 января 1991 года

– Добрый день, господин Лапшин! – сказал Тим в трубку, перебивая голос на автоответчике. – Это вас некто Костенко беспокоит. Если вы дома, пожалуйста, ответьте.

– ...буду вам очень признателен... – бормотало в трубке. – Говорите после звукового сигнала...

– Сергей Борисович! – повторил Тим. – Это Тимофей Костенко. Пожалуйста, ответьте мне!

– Да! – раздраженно бросила трубка. – Слушаю вас.

– Здравствуйте, Сергей Борисович.

– Здравствуйте, Тимофей. Чем могу быть полезен?

– Мы не могли бы встретиться?

– Зачем? – без секунды промедления выдохнул Лапшин.

И Тим услышал в его голосе страх.

– Это не займет много времени. У меня к вам несколько вопросов, и очень не хотелось бы по телефону...

– Честное слово, я просто не знаю, Тимофей.

– Пятнадцать минут, Сергей Борисович. Будьте любезны! Лапшин замялся. Слышно было, как он тяжело дышит.

– Право, не знаю... – пробормотал он наконец. – Пони-

маете, Тимофей, у меня сейчас наплыв клиентов... Ну, вы в курсе, что это такое. Я просто не в состоянии уделить вам время. Я должен отдыхать, восстанавливаться, вы же понимаете...

– А я вам помогу, – предложил Тим вкрадчиво.

– Нет! – почти взвизгнул Лапшин. – Нет, спасибо большое, нет... Вы знаете что, Тимофей... А вы позвоните мне через недельку, а? Хорошо? Возможно, я буду посвободнее...

– Хорошо, – вздохнул Тим. – До свидания. Я обязательно...

– До свидания! – радостно перебил его Лапшин и уронил трубку.

– Вот чмо! – рывкнул Тим, ударяя кулаком по столу. Он перелистал записную книжку и набрал еще один номер.

– Алё... – вальяжно, с придыханием, отозвался глубокий и низкий женский голос.

– Привет, красавица! – Тим поймал себя на том, что невольно включил игривую и двусмысленную интонацию.

– Ха! – отозвалась Людмила. – Тимка! Здорово! Где пропал?

– Не «где пропал», а «куда пропал»...

– Мы люди дремучие, статей в газетки не пишем. Ладно, чего надо? Третий глаз не открывается?

– Ты гостей принимаешь? – поинтересовался Тим. – С большими красивыми бутылками вкусной полезной водки?

– Зачем? – в точности, как давеча Лапшин, насторожилась Людмила.

– Нужна консультация. Не пойму я тут никак одну вещь...

– Так расскажи...

– Да тут не скажешь, показать надо.

– Тим, лапушка, не темни. В чем дело?

– У-у... Скажем так. У тебя нет в последнее время такого странного ощущения... как будто ты малость не в себе?

– Тим, ты совсем дурак?!

– А что я такого сказал?!

– А ты не знаешь, да?!

– Люда, погоди. Я же тебе и говорю – давай принимай гостей. Может, я действительно ничего не знаю.

– Ой, не смешите меня! Все, Тим, пока. Мне некогда. Приветик!

– Ух, чтоб тебя... – пробормотал Тим, бросая трубку. Он перелистал книжку снова, взялся было за телефон, но передумал. Поднялся, открыл холодильник, сделал из горлышка хороший глоток коньяка и некоторое время стоял, уставившись невидящим взглядом за окно. Звонко клацнул зубами и пошел одеваться. «Ну, ребята, – подумал он, – вы меня разозлили».

– Кто там? – спросил через дверь Кремер, внимательно разглядывая Тима в «глазок».

– Костенко, – назвался Тим. – А ты не видишь, да?

– У меня клиент, – сказал Кремер. – Приходи завтра.

– А если я сейчас «щелкну»? – спросил Тим с угрозой в голосе.

Раздался звон набрасываемой цепочки, клацнули по очереди два замка.

Глаза у Кремера оказались полузакрыты. В отличие от Тима, он действительно «щелкнул». Кремер был в хорошей форме, и Тим почувствовал неприятное жжение в переносице.

– А через дверь слабо? – спросил он ехидно.

– Так она же стальная, – удивился Кремер, выходя из транса. – Чего надо?

– Давай открывай. Надо четверть часа твоего времени.

– Заболел?

– Задолбал. Слушай, ты, тощий викинг, я сейчас твою цепочку зубами перекушу.

Кремер тяжело вздохнул, захлопнул дверь, снял цепочку и снова открыл.

– Заходи, – сказал он брезгливо, – алкоголик. Когда нажраться успел?

– По пути, – ответил Тим, проходя вслед за хозяином на кухню. Кремер был белобрысый, с арийскими чертами лица, очень высокий, но гораздо уже Тима в плечах и весь какой-то по жизни недокормленный. Поэтому его так и прозвали – «тощий викинг».

– Ну? – спросил он, усаживаясь за стол. – Я время засекаю,

ты учти.

Тим сел напротив.

– Что же ты меня впустил? – поинтересовался он, небрежно отодвигая стопку грязных тарелок и ставя на стол фляжку коньяка. – Ты действительно решил, что если я «щелкну», то увижу, кто есть в квартире, а кого нет?

– Чего надо? – повторил Кремер, игнорируя появление выпивки.

– Мне почему-то все задают именно этот вопрос. Не «как дела, Тим?», не «что случилось?»... Все спрашивают, чего мне надо. И никто не хочет со мной встречаться. Почему ты впустил меня в дом, Коля?

– Когда я «щелкнул», ты не закрылся, – ответил, помедлив, Кремер. – Я увидел, что тебе нечего скрывать. А еще ты пьяный, гад. Ну так что, Тим, как дела? Что случилось?

Тим рассмеялся и отточенным движением свернул шею коньячной фляжке.

– Будешь? – спросил он.

Кремер помотал головой.

– У меня клиент через час. И у тебя действительно очень мало времени.

– Хорошо, – кивнул Тим, завинчивая крышечку. – Коля, ты ничего такого... необычного не чувствуешь? – Он неопределенно помахал ладонью в воздухе.

– Ничего, – сказал Кремер серьезно.

– Какое-то давление извне...

– Какое давление? – Кремер сделал большие глаза. Получилось вполне искренне.

– Ладно. Скажем конкретнее. Тебя не пытались на днях пробить, Коля?

– Кто?! – вытаращился Кремер. – Зачем?! Каким образом?!

– Кто, кто... Х...й в кожаном пальто! – пробормотал Тим, поднимаясь и убирая фляжку в карман. – Извини за беспокойство, Коля.

Кремер молча положил руки на стол и сцепил пальцы в замок. Он смотрел за окно, и его худые плечи сутулились больше обычного.

– Пока! – сказал Тим. Кремер не ответил. Тогда Тим коротко, на долю секунды, «щелкнул». Поле Кремера было все словно в мелких язвочках – следах плохо заглаженных пробоев. Особенно много их было вокруг головы. Тим повернулся, вышел и захлопнул за собой дверь.

* * *

Васнецов открыл, не спрашивая. Но остался стоять на пороге, загораживая вход в квартиру. Ему это было не трудно, одной васнецовской бородатой физиономией можно было заткнуть, наверное, тоннель метро.

– Ты чего не позвонил? – спросил он.

– Здравствуй, – сказал Тим. – А я когда звоню, меня не

приглашают. Что со мной такое, а? Может, у меня вся спина белая? Или мне черную метку поднесли, а я и не заметил?

– Черную метку, говоришь? – задумчиво произнес Васнецов, беззастенчиво рассматривая гостя, и Тим понял, что бо-родач весь сгорает от желания «щелкнуть», но стесняется.

– Давай, давай, – Тим махнул рукой и криво усмехнулся. – «Щелкай». Может, ты после этого не только руку мне подашь, но и на порогпустишь.

– Ой! – Васнецов аж подпрыгнул и изобразил на лице положенное хозяину радушие. – Это я от неожиданности. Прости, Тима. Здравствуй, старик! Заходи, пожалуйста!

– Ну спасибо.

– Раздевайся. Вот тапочки.

– Спасибо. Я не помешал?

– Нет, что ты, у меня «окно» на два часа. Чай пить будешь?

– Пожалуй. Спасибо.

– Ну проходи на кухню, проходи.

Пока Васнецов колдовал над чайником, Тим украдкой отхлебнул коньяку и даже внимания не обратил на то, что делает. Его день уже давно начинался с глотка спиртного. А одинокие вечера только из этого и состояли. Тим боялся. И к каждой ночи он целенаправленно подпаивал себя, чтобы сонное забытие наступало мгновенно, ударом, без дремотного перехода, в который могут вторгнуться проклятые голоса.

– Так что там про черную метку? – спросил Тим.

Васнецов медленно развернулся к нему и сложил руки на

груди.

– Я сворачиваю практику, – сказал он грустно.

Тим закусил губу и посмотрел бородачу прямо в глаза.

– Устал? – спросил он осторожно.

– Надоело.

– Сорри, – предупредил Тим. «Щелкнул». До упора. И увидел громадную вмятину в ауре над головой Васнецова. И множество небольших пробоев у печени, почек, вокруг сердца, вдоль позвоночника.

– Хочу уехать, – услышал он голос Васнецова. – Уже подал документы. А ты силен, парень! Ты очень быстро растешь. Очень быстро.

– Как-то все это... – Тим поискал нужное слово. – Неспроста.

– Я знаю, – сказал Васнецов грустно.

– Что ты знаешь? – спросил Тим, возвращаясь.

– Да то же, что и все... – Чайник на плите засвистел, и Васнецов отвернулся, чтобы выключить газ.

– А я не знаю, – пожаловался Тим. – И мне никто не говорит. Может, хоть ты скажешь?

Васнецов выставил на стол несколько жестянок и принялся смешивать заварку с какими-то остро пахнущими травами.

– Понимаешь... – прогудел он. – Это сугубо личное дело. Я не вправе тебе советовать, браток. В жизни каждого сенса...

– Да, да! – перебил его Тим раздраженно. – В жизни каждого сенса наступает однажды момент... Ты мне этим все мозги зафачил. Я тоже философ, когда полбанки употреблю. Ты можешь толком мне объяснить, что происходит? А?! Или тоже будешь темнить, бубнить и посылать на...?!

– А кто тебя посылает? – поинтересовался Васнецов, оборачиваясь.

– Да все! Лапшин, Людка, Кремер... Все! Миша, что случилось?! Я ни хрена не понимаю, вообще ни хрена!

– Пьешь ты много, Тимофей, – вдруг сменил тему Васнецов.

– А может, это белая горячка, а? – почти с надеждой спросил Тим.

– Нет, – грустно сказал Васнецов. – Это не белая горячка.

– Ох... – Тим схватился за голову и машинально «щелкнул». С одной стороны, ему сразу полегчало. А с другой – он опять увидел, как сильно побит Васнецов, и очень захотелось что-то сделать. Например – поделиться собственной бедой. Но внутренний голос подсказал, что этого-то как раз делать не стоит. Тим уже слышал, как с ним говорили по телефону бывшие коллеги. И видел, как закрылся Кремер, едва услышав слово «пробить».

– Ты сказал, что помнишь, – пробасил сверху Васнецов. – А я все равно повторю. На всякий случай. В жизни каждого сенса наступает момент, когда приходится решать. Либо ты будешь жить, как все, либо ты станешь развивать свой дар.

А потом наступает еще один момент. Самый важный. Когда ты уже в силе и многое умеешь, ты должен решить второй раз. Либо ты остаешься с людьми, либо ты становишься над ними. Кажется, для тебя именно такой момент наступил.

– А для тебя? – спросил Тим.

– Я свой выбор сделал, – вздохнул Васнецов. – Я уеду.

– Миша, – попросил Тим мягко. – Скажи мне простым русским языком. Что, кто и, главное, зачем? Умоляю!

– Нет, – отрезал Васнецов. Он вдруг окончательно померк. – Сам разберешься. Вот тебе чай, пей и уходи.

– Миша, – очень тихо произнес Тим, стараясь держать себя в руках. – Не надо так. Я этого не заслужил.

– Это ты так думаешь. А вот они считают иначе. Знаешь, Тима, уходи. Прямо сейчас уходи. А чаю тебе... там нальют.

Тим скрестил руки на столе и медленно опустил на них голову.

– Хорошо, Миша, – прошептал он. – Спасибо и на этом... Ты меня еще вспомнишь. И тебе будет очень стыдно. Н-да... Все вы, дамы и господа, меня еще вспомните... С вашими намеками, с вашим страхом за свою задницу поганую, с вашими дешевыми фокусами... Экстрасенсы, народные целители, биоэнергетики сраные! Спасибо тебе, Мишаня. Очень ты мне помог...

– Уходи, – повторил Васнецов. – А то я тебе сейчас морду разобью.

– Не посмеешь, – усмехнулся Тим, поднимаясь. – Ты же

знаешь, что тогда будет. ОНИ шутить не любят, верно, Мишаня? А за меня ОНИ тебя, дружище, не пощадят. Ох не пощадят...

И Тим с ужасом понял, что попал в точку. Потому что громила Васнецов, большой и сильный, в прошлом тяжелоатлет, вдруг затрясся и рухнул на стул, заскрипевший под его тяжестью.

– Ладно, – сказал Тим. – Передумаешь, захочешь поговорить – звони. Или просто заходи. – Он повернулся и пошел к двери. Сбросил тапочки, воткнул ноги в ботинки, натянул пальто.

– Тима! – позвал вдруг его Васнецов слабым голосом. – К тебе нельзя дозвониться, Тима! И дойти до тебя нельзя...

– Что?! – переспросил Тим, оборачиваясь. – Что ты сказал?! Э! Мужик! Мишка! – Он выставил перед собой руки, потому что Васнецов, топоча, как стадо бегемотов, неся к нему по коридору. Тим не почувствовал агрессии в этом рывке и оказался прав. Бывший метатель молота просто схватил его в охапку и буквально вышвырнул за дверь, которая со страшным грохотом захлопнулась.

– Извини, Тима, – прогудело за дверью. – Прощай.

– Урод... – пробормотал Тим, вставая и отряхиваясь. Фляжка в боковом кармане оказалась цела, и Тим немедленно проглотил все, что в ней оставалось. Закурил. Потоптался на месте, недоуменно качая головой. Невоспитанно сплюнул на пол и вызвал лифт.

Когда Тим вышел из метро на другом конце города, вокруг почему-то было темно, на небе отчетливо проступили звезды. Фонари едва горели, и Тим принял единственно верное решение – «щелкнул». Было непривычно идти сквозь изменившийся, ставший настоящим мир. Но дорогу оказалось искать не в пример легче обычного. Пришлось только слегка перестроить восприятие, чтобы не мешали геобиологические сетки. А то, когда пробиваешь голубые полупрозрачные стены, невольно сбавляешь шаг.

Это получилось тоже. Тим даже себе подивился. «А впрочем, что толку? Ориентация в пространстве отменная, а счастья нет. Обида какая». На ходу Тим опорожнил вторую фляжку и впервые в жизни ощутил непреодолимое желание заехать кому-нибудь в морду. Но потенциальные жертвы все куда-то попрятались.

Под руку подвернулся летевший мимо по своим делам шарик, как обычно – раздраженный и полный агрессии. Этот экземпляр был даже злее обычного – тоже, наверное, искал, с кем подраться. Тим ладонью сшиб шарик на асфальт и отбил на нем чечетку. Шарик понял, что дело плохо, и поспешно забурился на полметра под землю. Тим попробовал было его выковырять, но шарик отполз в сторону и по полосе Хартмана провалился куда-то на другую сторону планеты.

– В Америку удрал, гад! – прорычал Тим. – Будешь там с Мишкой целоваться, трус поганый!

Еще один шарик сунулся посмотреть, кого бьют. Тим сконцентрировался на нем, и шарик забился в воздухе, как рыба на крючке. Тим подтянул его к себе и вобрал в правую руку. Обожгло, как крапивой. «Ну и надрался я! – подумал Тим с восторгом. В нормальном состоянии втянуть шарик в свое поле казалось полным безрассудством. – А неплохо вышло! Ну, жжет, ничего не скажешь... – Шарик улегся где-то в районе локтя, запаленно поводя боками, подчинившись силе. – Интересно, что с ним теперь делать? А если я еще один поймаю? Хоп! – Почти не напрягаясь, Тим захватил в другую руку второй шарик. – Как легко! Только куда я их теперь дену?» Тим пошел дальше, размышляя, и увидел, что из-за угла ему навстречу движется какая-то компания. «Человек пять-шесть. Непривычно яркое свечение. Странно».

– Во! – сказала ему грубым мужским голосом что-то крупное, распираемое изнутри непонятными Тиму силами. – Закурить есть?

– Угощайся, – Тим на ощупь вытащил из кармана пачку и раскрыл ее. «А интересно, как я сейчас выгляжу? – подумал он. – Скорее всего как зомби. Глаза открыты, но ничего не видят».

Пачку у него из руки забрали. Компания медленно обступала Тима, заходя с флангов. «Мужчины, совсем молодые. И очень возбужденные. Просто страшно, болезненно возбуж-

денные. Слушай, Тим, старина, да они больны, ей-богу! Что это с ними?»

– Слышь, мужик, дай курточку поносить, – сказали откуда-то слева. И Тим очнулся. «Привычка целителя, если «щелкнул» и увидел человека – начини диагностику. А они всего лишь пьянее меня. И это свечение – только злость и либидо. Елки-палки! Бить собираются. Осталось секунды две, максимум три...»

Все это пронеслось в голове Тима за какие-то мгновения. Плохо соображая, что делает, он повел руки одна другой навстречу, скрещая их на солнечном сплетении. Вдруг к нему вернулась прежняя злоба. И оказалась во много крат сильнее, чем была. И захлестнула с головой, так что не вдохнуть. Тим озверел.

– Сдохни! – выплюнул он светящемуся пятну слева. И выстрелил в него шариком из правой руки. Бац! И пятна не стало. – Ап! – Тим одновременно выстрелил с левой вперед и «отщелкнул» на две ступени вниз, чтобы хоть частично вернуть зрение. «Как в замедленной съемке. Широкоплечий де-тина, все еще сжимая в кулаке пачку сигарет, валится на спину. Четверо с искаженными лицами – какие смешные гримасы! – присев, отползают задом. Шарик мечется в теле хулигана почище любой пули со смещенным центром. Ох, как здорово! Как же мне хорошо!» – Н-н-на! – Тим с правой выстрелил в третьего, сжимающего в руке нож. И вместо шарика во врага ударил луч.

В тот же момент к Тиму вернулось нормальное восприятие пространства и времени. «Подстреленный» полетел вверх тормашками, выронив нож. А остальные – исчезли. Только дробь каблуков по асфальту где-то вдали. У Тима закружилась голова, и он прислонился к стене.

Двое пострадавших, хрипя и задыхаясь, слабо шевелились на земле. Третий лежал неподвижно. Тим попробовал «щелкнуть», и голову его расколола боль. Застонав, он сжал ладонями виски. «Мне нужно «щелкнуть». Мне позарез нужно «щелкнуть». Я должен знать, что произошло».

Тим шагнул к предводителю шайки и наступил ему на кисть руки. Кулак разжался, и Тим, кряхтя, подобрал злополучные сигареты, выпавшие на землю. «Здесь темно, я себя демаскирую... А, плевать, всех поубиваю. Жалко, коньяка больше нет». После нескольких затяжек Тиму слегка полегчало, и он, кривясь от боли, смог «щелкнуть». Неглубоко, но достаточно для того, чтобы разобраться.

«Так, эти двое, которых зашибло шариками, похоже, скоро очнутся. Просто шок, временная энергетическая кома. А третий? Ого! – Тим поспешно «отщелкнул», чтобы не смотреть. – Фу! Проклятье! Ох, что же я натворил!»

Тим почувствовал, что ноги сами несут его прочь. «Как меня сюда занесло? Ах да, я же шел к Марианне. Душу из нее хотел вытрясти. А получилось... вот».

Тим быстро шел дворами, стараясь, чтобы не заплетались ноги. «Марианна – это хорошо. Душу я из нее, положим,

все равно выну. Но потом. А сейчас мне нужно убежище. И срочно. Главное – дойти. Здесь недалеко. Или все же передохнуть? Я только на секундочку... – Тим присел на скамейку у детской площадки и закурил. – Ладно, я не убил этого парня. Он тоже очнется. Но он уже труп. Теперь у него все здоровые органы станут больными. А все больные – почки, например – станут больны смертельно. И даже я, сотворивший это, не смогу его вытянуть. А стоит ли горевать, Тим? Ну, было пьяное молодое дерьмо с ножиком. Мало они тебя в армии мудохали? Ты вспомни, как на тебе «дедушки» отработывали приемы карате. Четверо на одного.

Нет, не то. Ведь тогда ты никого не тронул. Ты ставил блоки, не пропустил ни одного серьезного удара и ждал, когда им надоест. Ты их жалел, Тим, тебе было за них стыдно. Но почему ты не пожалел сейчас? Как ты мог забыть, Тим, что у тебя только два шарика?»

Он с усилием оторвался от скамейки и нетвердыми шагами двинулся вперед. «Довели. Они меня довели. Сволочи, уроды, выродки! Они хотят, чтобы я стал такой же, как они. А вот х...й вам в белы рученьки!!!»

Дорогу перебежала кошка. Неважно. «Ничего не вспоминай, Тим, – сказал он себе. – Когда ты сделал это в первый раз, тебе было двенадцать лет. До смерти напуганный ребенок не может отвечать за свои поступки. И то, что эта женщина была ни в чем не виновата... А может, и была. Ты не знал, что она психиатр, ты только увидел, что она причинит

тебе зло. И когда она, мило улыбаясь, взяла тебя за руку, ты ей так врезал...

Интересно, она поняла, что это сделал ты? Вряд ли. Скорее всего, пси-способности не укладывались в ее систему представлений. Она была тупая, Тим. И версия с настольной лампой, которую вдруг закоротило и на которую она в этот момент облокотилась, – эта версия устраивала всех. Кроме тебя. Потому что ты хотел знать, что с тобой происходит, и рассказал о своих необычных способностях родителям. А они привели тебя к этой женщине. Спасибо, мама и папа, за визит к врачу. И за таблетки. Они действительно снизили мне порог нервной возбудимости. И от любви к вам вылечили тоже. Ведь я очень не хотел их принимать.

В последний раз я видел эту женщину, когда мне было пятнадцать. Я уже был умен, и она сказала предкам, что я, слава богу, совершенно здоров. Для мальчика беда прошла стороной. А вот для нее – нет. Я понял, что она умирает, и разглядел причину. И промолчал. Люди научили меня скрываться и молчать. Так почему мне по-прежнему стыдно за то, что они тупые, зашоренные, бесстыдные? Почему я по-прежнему хочу всех и вся изменить? Ведь у меня есть только один критерий – я сам. А если переделать всех людей по моему образу и подобию... Намного ли лучше они станут?»

Тим уткнулся носом в дверь подъезда, ухватился рукой за косяк и пару секунд постоял, отдыхая. «Да, они станут лучше. Потому что я точно лучше их. Я ни у кого ничего не

хочу отнять. И никого ни к чему не хочу принудить. А они – уроды. Вот так. И то, что произошло сейчас, – чистой воды самооборона. Но... Чертовски все это обидно. Потому что, даже защищаясь, я становлюсь таким же уродом, как они. Тьфу!»

– Бля!!! – рывкнул Тим на весь подъезд, успев в последнюю секунду перепрыгнуть через кучу дерьма, прикрытую деликатно газеткой. К нему вернулась злость. И он чувствовал себя все крепче. Голова уже почти не болела. Поднимаясь по лестнице, он «щелкнул». Нормально. «До упора не получается, но я очень быстро восстанавливаюсь. Что со мной происходит? – подумал Тим. – Это как-то связано с попытками войти в мое сознание. Может, у меня вырабатывается иммунитет, и от этого я становлюсь только сильнее? Разберемся. А который час? Половина одиннадцатого. Нормально. Марианна, как и я, ночная птица. Поди, только проснулась, ведьма черножопая».

* * *

У Марианны за дверью ревел хэви металл. Играли любимую вещь Тима – группа «Эксепт» рубила бетховеновскую «К Элизе». Тим уткнулся лбом в кнопку звонка и принялся ждать, слушая и размышляя.

Сначала он подумал, что «Эксепт» все-таки не металлическая группа, а хард-н-хэви. Потом задумался над названием.

ем композиции – «Metal Heart» – и решил, что по-русски оно не прозвучит. «Металлическое Сердце – это некрасиво. Красиво было бы – Стальное Сердце. Когда-то я про себя такое сказал.

Точно. Помню. Ее звали Оля. Тоже Оля. Оленька, счастье мое, не дай бог тебе от меня когда-нибудь такое услышать. Что нечего, мол, выжимать слезу – у меня сердце стальное и если я решил, что мы расстаемся, значит, расстаемся и привет горячий. Нет, ты такого не услышишь. А Стальное Сердце – это будет, наверное, Heart of Steel. По аналогии с Heart of Gold, золотым. Потому что золотое и стальное – это индустриализация. А металлическое – оно и есть металлическое. Железяка».

За этими размышлениями Тим не заметил, как музыка смолкла. Он отлип от звонка, только когда открылась дверь.

– Тимочка, солнышко! – проворковала Марианна. – Как хорошо, что ты пришел!

– Извини, – сказал Тим. – Мне нужна твоя помощь.

– Тимочка! – воскликнула Марианна, патетически всплеснув руками, и Тим на миг испугался, не бросится ли она ему на шею. Но он уже инстинктивно шагнул назад, и Марианна схватила воздух. С трудом восстановив равновесие, она встала относительно прямо и сказала: – Заходи, солнышко! – повернулась и ушла в глубь квартиры. Тим, прикрыв за собой дверь, пошел следом. В квартире стоял полумрак, воздух был пропитан странным душноватым запахом. Тим уже

заметил, какие у Марианны широченные зрачки. «Они у нее всегда были великоваты, но сейчас их разнесло чуть ли не во всю радужку. «Щелкнуть», что ли?» Тим «принюхался». «Точно, накурилась какой-то дряни».

На круглом столе в гостиной стоял антикварный канделябр на три свечи. Рядом с канделябром Тим заметил пепельницу с единственной дымящейся папиросой в ней.

– Садись, мой хороший, – Марианна махнула в сторону придвинутых к столу кресел. – Я знаю, тебе нужна капелька хорошего коньячку...

– И немаленькая, – согласился Тим. Он уселся, с наслаждением вытянул ноги и погладил руками гнутые подлокотники. Все вещи в этой комнате были либо действительно старыми, либо умелыми копиями. А за столом периодически баловались спиритизмом. В промежутках между прочим баловством – или, что называется, на заправку.

Когда-то Тим заходил к Марианне часто. Они оба учились у Лапшина, а потом стажировались у Васнецова. Только Марианна, как человек взрослый и серьезный, с медицинским дипломом, посещала занятия прилежно и получила сертификат. А у Тима в школе Лапшина был статус вольнослушателя. Он гулял сам по себе и приходил, когда считал это нужным. Что интересно, качество не пострадало. Как он до начала занятий мог скрутить Марианну в бараний рог, так и с сертификатом экстрасенса-целителя она ему в подметки не годилась.

Марианна поставила на стол початую бутылку «Камю» и рюмку. Тим налил, опрокинул дозу и, погоняв коньяк во рту, с наслаждением проглотил его. Коньяк был самый что ни на есть настоящий.

Марианна стояла перед Тимом и разглядывала его с выражением безграничного восторга на лице. Тим в который раз подивился тому, насколько же ему эта женщина неинтересна. Пышная грива вьющихся от природы иссиня-черных волос. Тонкая кость, прекрасно вылепленное худощавое тело. Чуть смуглая кожа, породистое красивое лицо. И тяжелый, обволакивающий взгляд. Раба желаний, страстей и привычек, женщина слегка за тридцать, подчеркнута развратная и жутко одинокая.

– Ну-ка, мой хороший, давай тебя посмотрим... – пробормотала Марианна, склоняясь над Тимом. Она сделала несколько стандартных пассов руками и принялась что-то бормотать, вводя себя в рабочий транс. Глаза Марианны окончательно затуманились. Тим закусил губу, чтобы не рассмеяться. «Все-таки бесталанные сенсы чертовски зависят от ритуалов, – подумал он. – Вот не начни Машка шевелить граблями и читать самопальную мантру, черта с два ей удалось бы «щелкнуть». Да и не «щелчок» это – жалкие потуги. Ладно, Тим, имей совесть. Не так уж давно ты стал крут. И, похоже, не без чужой помощи».

Марианна склонилась ближе, поводя руками над головой Тима. Из распахнувшегося шелкового халата вынырну-

ла небольшая грудь с маленьким темным соском. Тим утвердительно кивнул своим мыслям. «Правильно. Именно такая она и должна быть у женщины с ее конституцией. Безукоризненная форма. И очень скучная. Полное отсутствие того, что люди называют «изюминкой». Аж обидно».

Марианна продолжала работать, она опустилась на колени, теперь руки ее играли над солнечным сплетением клиента. Тим почувствовал, что становится теплее, но это была скорее заслуга коньяка, нежели Марианны. Да, какая-то энергия от женщины исходила, но Тим уже почти восстановил силы. Теперь его пси автоматически исследовало любое воздействие извне и либо отталкивало дурное, либо впитывало хорошее. Поразить Тима ни тем ни другим Марианна не могла. Тим подумал, что хорошо бы сейчас прикрыть глаза и окончательно расслабиться. Но тогда сто против одного, что в завершение сеанса обкуренная Машка захочет получить вознаграждение и полезет целоваться. И чтобы оторвать ее от себя, понадобится серьезное оскорбление. А оскорблять Марианну Тим не хотел. Как бы свысока он к этой женщине ни относился, он ее еще и от души жалел.

Руки Марианны остановили свой бег в опасной близости от чресел Тима. Марианна сделала несколько глубоких вдохов, открыла глаза, увидела, что Тим на нее смотрит, улыбнулась, встала с колен и, не озаботившись запахнуть плотнее халат, повернулась и вышла. В ванной зашумела вода. Тим налил себе еще, выпил и достал сигареты.

Марианна вернулась через несколько минут. На лице ее читалась здоровая усталость после тяжелого честного труда. «Е-мое, – подумал Тим, – она действительно верит, что может что-то. Ну и молодчина. Несостоявшийся профессионал, несостоявшаяся личность – среди наших сенсов таких две трети, если не три четверти. Но поскольку они верят в свои пси-способности, то клиент от них получает хотя бы элементарную психотерапию. Клиент очень хочет выздороветь. И, бывает, выздоравливает. Все лучше попасть к Марианне, чем нарваться на шарлатана, который точно знает про себя, что пудрит клиенту мозги».

– Н-ну, мой хороший... – протянула Марианна, добывая из пепельницы свой окуроч. – Все с тобой будет в порядке.

– Спасибо, – сказал Тим, поднося ей зажигалку и стараясь не рассмеяться. Марианна снисходительно кивнула, прикурила, сделала глубокую затяжку и, не выпуская дым из легких, уставилась в потолок. Тим покачал головой и стал ждать. Марианна продержалась секунд двадцать, после чего с паровозным свистом выпустила дым, и по комнате пополз все тот же сладковатый удушливый запах.

– Это что? – спросил Тим брезгливо.

– Это... марихуана... – выдохнула женщина. Голос у нее ощутимо подсел, зрачки стали еще шире, а на губах заиграла неопределенная улыбка.

– Конопля! – фыркнул Тим. – Из нее канаты вяют. Называй уж вещи своими именами.

Марианна пожала плечами и закинула ногу на ногу. Показалась точеная лодыжка, покрытая густым черным волосом.

– Ты сказал, тебе нужна помощь, – бархатно проворковала женщина. – Я не нашла у тебя никаких аномалий, Тимочка. Ты весь теплый... сильный мужчина. Настоящий мужчина, не то что эти... остальные. Что я могу сделать для тебя, Тимочка? Может, хочешь?... – Она выдержала секундную паузу и для приличия шевельнула рукой, в которой держала папиросу.

– Спасибо, нет. Для начала я «щелкну», если ты не против.

– Милый! «Щелкни», конечно. Ты такой хорошенький, когда «щелкаешь»...

Тим несколько раз переключился. «Да, быстро я восстанавливаюсь. Получилось чуть ли не до упора. И голова уже не болит».

Под потолком резвились шарики. На полу было черным-черно от энергетического шлака. «Грязная комната. И что-то в ней меня здорово напрягает. Точно не Машка. Она в порядке – ни пробоев, ни вообще каких-то следов пси-воздействия. Только светится ярче обычного, и в этом излучении превалирует сексуальный элемент. Будем надеяться, она ко мне не полезет, не хочу я об нее мараться. Да, Маша, недаром ты бездарь – никто тебя не пытался зомбировать».

Тим «щелкнул» до предела своих возможностей. «Ага! Есть в этой комнате нечто, имеющее над тобой власть. Это

должно выглядеть как сгусток темноты, переливающийся яркими искрами. Маленькая такая штучка, на ладони уместится. Я еще не «унюхал», где она. И мне это очень не нравится. А впрочем, неважно. Сейчас время не искать по углам всякую фигню, а задавать серьезные вопросы».

Тим плавно опустился на несколько уровней ниже и совместил визуальное изображение с пси. Встал и прошелся по комнате. Марианна с интересом следила за его действиями. Тим обошел комнату по периметру и вернулся в кресло.

– Ладно, – сказал он, наливая себе рюмку допинга. – Может, составишь компанию?

– Не в этом, Тимочка, – заявила Марианна.

– Как хочешь. – Тим выпил и удовлетворенно крикнул. – Вещь!

– Клиент расплатился, – гордо улыбнулась Марианна. – Хотя в выпивке он что-то понимает, баран...

– Так! – оборвал ее Тим. – Значит, так, Маша. Ты человек разумный, неглупый...

– Пожилой, – ввернула Марианна.

– В хорошем смысле – пожилой, – кивнул Тим. Марианна расхохоталась, откинулась на спинку кресла и сладко потянулась всем телом.

– Тимочка, ты прелесть, – сказала она. – Ты в курсе, что я тебя сейчас отымею?

– Послушай, будь добра, – попросил Тим. – Я давно уже не общаюсь с нашей бандой. Но ты-то с ними поддерживаешь

контакт, верно?

– Положим. – В глазах Марианны загорелись хитрые огоньки.

– Значит, ты в курсе всех слухов, последних сплетен и так далее, верно? Ты же умница, Маша. Ты все слышишь и ничего не забываешь, да?

– Я тебя давно ждала, – страстно, с придыханием заявила Марианна. Она перегнулась через край стола ближе к Тиму, и он утонул в ее тяжелом, обволакивающем, засасывающем взгляде женщины-истерички. «Вот так, – подумал он, чувствуя, что теряет контроль над собой. – Вот так она и делает все в жизни. Вытаращится, и клиент готов. Недаром у нее вся клиентура из мужчин». – Ты должен был прийти именно ко мне, – сказала она. – Потому что они все боятся тебя. До судорог боятся, слабаки. Они и раньше боялись.

А теперь – особенно. А я всегда тобой восхищалась, ты же знаешь. Твоей силой, твоей мощью, твоей красотой...

– Стоп, стоп, стоп, – выставил ладони Тим. Невольно он этим движением отсек Марианну от себя, и ее гипноз потерял силу. На всякий случай Тим «щелкнул» на один уровень. В этом состоянии он все отлично видел, но был полностью закрыт от традиционных методов воздействия на психику, включая гипноз и даже нейролингвистическое программирование. Теперь он мог оценить, насколько слова человека совпадают с его желаниями. Как и следовало ожидать, у Марианны на уме было только одно. И она оказалась так этим

озабочена, что врать и сочинять небылицы у нее просто не осталось бы сил.

Марианна обиженно надула губы и отодвинулась.

– Ты сказала, они меня боятся? – спросил Тим.

– До усрачки, – кивнула Марианна.

– Почему?

Марианна расхохоталась вновь, легко и звонко.

– Ты меня проверяешь! Ну что же... Знаю, знаю. Все я знаю.

– Так расскажи, – попросил Тим, невольно подаваясь вперед.

Марианна хитро покосилась на него, медленно взялась обеими руками за лацканы халата, развела их в стороны и чуть прогнулась назад. Грудь у нее действительно была необыкновенной формы. Она была прекрасна. И по-прежнему совершенно не волновала Тима. Оценить женщину-брюнетку в качестве сексуального объекта он просто не мог. Все брюнетки напоминали ему собственную мать. Женщину, отдавшую его на растерзание психиатру, тоже, кстати, черноволосой. Женщину, вынудившую Тима совершить первую в жизни настоящую жестокость.

– Посмотри... – прошептала Марианна. Тихо мурлыча себе под нос, как довольная кошка, она сбросила халат с плеч и начала медленно оглаживать руками свои груди. Это завораживало. Тим стиснул зубы и яростно выматерился про себя. «Нужно было выметаться отсюда, как только я понял,

что она под кайфом. Но мне позарез нужна информация. А Машка уже проболталась. Эх, хотел я из тебя душу вынуть – и точно, придется».

Тим «щелкнул» и выбросил в сторону Марианны лучшупальце. Обвил ее им вокруг головы и мягко погладил. Женщина замерла. Тим провел осторожное сканирование, разобрался, что к чему, и принялся вычищать из ауры поврежденные «травой» кластеры. Тонкая, ювелирная работа. Протрезвевшая Марианна могла впасть в глубокий похмельный сон, а Тим хотел разобраться с ней по возможности быстрее, пока сам не ослаб. Поэтому ауру Марианны приходилось не только чистить, но и подпитывать. А делать это в донельзя грязной комнате, где еще присутствовал и неизвестный Тиму довлеющий над Марианной объект, было очень непросто.

Пара шариков подлетела ближе, заинтригованная происходящим. Тим брезгливо шикнул на них, и они убрались. Марианна ровно и глубоко дышала, на лице ее застыло выражение полного блаженства. Похоже, она была счастлива. Тим скрежетнул зубами. «Только этого не хватало. Теперь она привяжется, как собачонка. Вечно я что-то не так делаю. Слишком человечный все еще. Пока что. Проклятье, какая мощная сексуальная подоплека у всех ее эмоций! Бедная Машка просто на этом помешана. И совершенно в этом деле не может себя найти».

Тим «отщелкнул» на несколько уровней назад, сохраняя

минимальный уровень пси-восприятия. Расслабившись, он проделал несколько дыхательных упражнений.

Марианна с легким стоном приоткрыла глаза.

– Тимочка... – прошептала она. – Ой, Тимочка...

– Полегчало? – осведомился Тим, наливая себе выпить. – Ой, Тимочка... Я тебя люблю!

– Это только так кажется, – пробулькал Тим, глотая коньяк. – Ну, так что ты мне хотела рассказать?

– Кажется, я кончила, – сказала Марианна, прислушиваясь к ощущениям и машинально оглаживая грудь.

– В первый раз, что ли? – ляпнул Тим.

Это было сказано удачно. Потому что Марианна обиделась и вернулась к действительности, уставившись на Тима почти нормальным взглядом.

– Так кто я такой? – тут же спросил Тим, стараясь не потерять инициативу.

– Ну... Ты теперь будешь главный, – сказала Марианна серьезно.

– Где? Над кем?

– Здесь. Над всеми.

– А конкретнее нельзя?

– Ну, Тима... Зачем этот допрос? – Марианна потянулась к своему окурку. – Я знаю не больше других. Если ты хочешь мне что-то рассказать...

– Сначала ты мне расскажи.

Марианна, не дождавшись зажигалки, отложила папиросу

и укоризненно посмотрела на Тима.

– Говорят, что ты избран. Ты всегда был самый лучший из нас, и сейчас тебя хотят сделать главным. И я очень за тебя рада, Тимочка. Ты не забудешь меня, правда?

– Кем я избран, Маша? Кто хочет сделать меня главным?

– Ну, Тима, не дури! А кто открыл наш «Центр», кто решил выдавать нам дипломы, кто нас... э-э... легализовал? Правительство, конечно.

Тим потер руками глаза. «Ни хрена она не понимает. А если начать с простого?!»

– Ребята чувствуют давление? – спросил он. – Жалуются на пробой?

– Да, – кивнула Марианна. Она пошарила в кресле под собой, добыла смятый коробок спичек и опять взяла папиросу. – Некоторых сильно побили. Людмила просто сама не своя. Говорят, и Лапшин... И Мишка Васнецов тоже. Это ведь тест, верно? Проверка на прочность, на силу... А ты справился. Ты выдержал, Тимочка. Ты мой герой. Ты самый-самый, я тобой горжусь!

Она прикурила, затянулась и снова надолго задержала дыхание. Тим подождал и спросил:

– А это хорошо, что я буду главным?

– Ха! – выдохнула Марианна. – Это лучше не бывает. Ты же самый умный, самый честный, самый сильный. Ты всех этих чайников по струнке построишь.

– И чем же они будут заниматься под моим руководством?

– Все тем же, – Марианна пренебрежительно хмыкнула. Похоже, допрос начал ее утомлять. – Баранам мозги вправлять.

– В смысле?..

– Что «в смысле», Тим? Ты что, не знаешь клиентуру Лапшина? У него же все банкиры, все кооператоры, все эти нувориши толстомордые лечатся. Конечно, он их программирует, как ему велят. А попробуй он рыпнуться, тут же – бац! – и обратно в поликлинику, бабулькам геморрой вправлять. А Васнецов мало, что ли, с интеллигенцией работал? Да у него половина Союза писателей перебивалась. Даже Кремер художочный – и тот газету «Правда» окучил! Чтобы с партийной линии не съезжала!

Тим слушал и чувствовал, что столбенеет. Это было невозможно, это была какая-то дикость. Накурилась, дура, конопля...

– За удовольствие надо платить, Тимочка! – заявила Марианна, дирижируя себе папиросой. – Хочешь работать – работай! Но государству, будь любезен, плати налог. Окажи, так сказать, уважение! Государству тоже нелегко. В узде держать всех этих богатеньких, всех этих диссидентов-графоманов... Они же бараны, Тим, ты знаешь это лучше меня, что я тебе буду тут... Им пастух нужен! Настоящий мужик, вот как ты!

– А ты кого... э-э... окучиваешь? – спросил Тим осторожно.

– А я дура бесталанная, – вздохнула Марианна горько. – Ко мне тут приходил один... С красной такой книжечкой. Все присматривался ко мне, принимался. И решил, видно, что я... Э-эх! – Она замахнулась папиросой с явным намерением зашвырнуть ее в пространство, но окурок выскользнул из пальцев и упал на ковер. Тим нагнулся посмотреть – не загорится ли. А когда распрямился, Марианна глядела ему прямо в глаза. – Этот астральный секс был прекрасен, – произнесла она низким и слегка дрожащим голосом. – А теперь возьми меня по-настоящему, Тима! Сейчас!

– Маш, не сходи с ума! – попросил Тим. Но Марианна с остекленевшим взглядом поднималась на ноги. Тим вскочил. «Эх, не пришлось бы ей врезать».

Марианна, полузакрыв глаза, медленно наступала на него, развязывая пояс халата. Это было такое странное зрелище, что Тим «щелкнул» глубже – проверить, не «ведут» ли ее извне. Механизм воздействия на мозг у «травы» не такой, как у алкоголя. Вдруг «обкуренного» человека можно зомбировать? Нет, в комнате не было никаких признаков внешнего давления. «Бедная Машка просто окончательно сдурела от проклятой конопли, – подумал Тим растерянно. – Что мне с ней делать, ума не приложу. Удрать, что ли?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.